

18+

Fall away ДО ТЕБЯ

Вчера длится вечно. Завтра не наступает никогда. *Джаред*
Со мной что-то не так. Мне всегда тебя мало. *Тэйт*

ПЕНЕЛОПА ДУГЛАС

Пенелопа Дуглас
До тебя
Серия «Love&Game»
Серия «Потерянная дружба»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20061253
Дуглас, П. До тебя: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-093506-2

Аннотация

Я люблю ее так сильно, что ненавижу.

Когда-то мы были друзьями, но Тэйт предала меня. Она и все, кому я когда-то мог доверять. Я остался совершенно один.

И я оттолкнул ее, ранил ее так больно, как только мог...

Но я все еще нуждался в ней – она оставалась центром моей вселенной и сосудом, куда я мог выплеснуть свой гнев. Только так я мог дышать, существовать и чувствовать себя живым.

Ее не было целый год, я чуть было не сошел с ума, понимая, что перестал быть частью ее жизни. Но Тэйт вернулась, чтобы дать мне сдачи.

Читайте продолжение бестселлера «Агрессор».

Содержание

От автора	5
Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	30
Глава 3	41
Глава 4	49
Глава 5	60
Глава 6	69
Глава 7	82
Глава 8	91
Глава 9	98
Глава 10	110
Глава 11	119
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Пенелопа Дуглас

До тебя

Серия «Love&Game»

Penelope Douglas
Until You

© 2013 Penelope Douglas

© Маркелов А., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Этот роман посвящен исключительно читателям. Спасибо за то, что поверили в Джареда и просили меня написать эту книгу.

От автора

Я никогда не предполагала писать эту книгу.

Но после того, как был опубликован «Агрессор», я поняла, что история Джареда такая же важная, как и то, что происходило с Тейт. И, признаться честно, читатели очень хотели знать, что же думал обо всем он сам, и постоянно спрашивали об этом меня.

И за это я читателям бесконечно признательна. Мне очень нравилось писать эту книгу и наблюдать за тем, как Джаред взрослеет.

Хотя этот роман можно читать как отдельное произведение, я бы не советовала это делать. Если сначала вы познакомитесь с тем, как все представлялось Тейт, прочитав «Агрессора», получите больше удовольствия и еще сильнее захотите оказаться в голове у Джареда.

А еще я хотела бы успокоить тех, кто уже знает содержание первой книги. Потому что, когда повествование ведется с разных точек зрения, это не всегда так просто. К тому же никто не хочет стать объектом надувательства и дважды заплатить за одну и ту же историю.

Так что я очень старалась, чтобы они вышли разными.

Перед вами НЕ пересказ «Агрессора».

Это история Джареда.

Как всегда музыка вдохновила меня на создание и развитие характеров моих героев. Джаред полон злобы и негодования, непредсказуем. Потому разрываешься между желаниями оказаться от него как можно дальше или поддаться его мужскому обаянию. Этот плейлист и есть Джаред.

Criticize-Adelita's Way
Coming Down-Five Finger Death Punch
Adrenalize-In This Moment
Cold-Crossfade
Love-Hate-Sex-Pain-Godsmack
Heaven Nor Hell-Volbeat
I Don't Care-Apocalyptica
Wicked Game-Chris Isaak
Tears Don't Fall-Bullet for My Valentine
Bottom of a Bottle-Smile Empty Soul
Crazy Bitch-Buckcherry
Girl from the North Country-Lions
Pain-Three Days Grace
I Stand Alone-Godsmack
Beastie Boys-Fight For Your Right
Dearest Helpless-Silverchair
Raise the Dead-Rachel Rabin

Пролог

Меня зовут Джаред.

Меня зовут Джаред.

Меня зовут Джаред.

Я повторял эти слова снова и снова, а сердце все так же бесшумно колотилось в груди. Мне хотелось пойти познакомиться с нашими новыми соседями, но я нервничал.

Теперь по соседству с нами жила девчонка – лет десяти, как и я. А еще она носила бейсболку и «чаксы»¹ – меня это позабавило. Другие девчонки в нашем районе так не одевались. К тому же, эта была хорошенькая.

Я облокотился на подоконник, разглядывая соседний дом – там горел свет и звучала музыка. В доме долго никто не жил, а совсем давно какие-то старики.

Между нашими участками росло огромное дерево, но это не мешало мне рассматривать соседское жилище сквозь зеленую листву.

– Эй, милый.

Я повернулся и увидел маму – она стояла на пороге моей комнаты, прислонившись к дверному косяку. Она улыбалась, но глаза у нее были влажными, а одежда – помятой.

Ей опять было плохо. Маме всегда становилось плохо, ко-

¹ Модные кеды фирмы *Converse*. В разработке этой модели принял активное участие баскетболист Чак Тейлор.

гда она прикладывалась к бутылке.

– Похоже, у нас появились соседи, – сказала она. – Ты с ними познакомился?

– Нет. – Я покачал головой и снова отвернулся к окну. Мне хотелось, чтобы мама ушла. – У них девочка. Мальчишек нет.

– А ты не можешь дружить с девочкой? – Ее голос дрогнул, и я услышал, как мама шумно сглотнула. Я знал, что будет дальше, и внутри у меня все сжалось.

– Нет, не могу.

Я не любил с ней разговаривать. На самом деле, я и не знал как. Я часто оставался один, а сейчас она меня напрягала.

– Джаред... – начала мама, но фразу не закончила. Через мгновение я услышал удаляющиеся шаги, а потом в коридоре на первом этаже хлопнула дверь. Наверное, она пошла в ванную поплевать.

Моя мать много пьет, особенно по выходным. Внезапно мне расхотелось знакомиться со светловолосой девчонкой из соседнего дома.

Пусть она даже клевая и любит кататься на велике?

Или из ее комнаты слышится песня рок-группы *Alice in Chains*? Во всяком случае, мне казалось, что это была ее комната, хотя шторы были задернуты.

Решив выбросить это из головы и пойти приготовить себе поесть, я оторвался от подоконника. Маме, похоже, сегодня не до ужина.

Но тут я увидел, как шторы в соседнем доме раздвинулись, и застыл.

Я увидел ее. Это и правда была ее комната!

И, сам не знаю почему, я улыбнулся. Здорово, что наши окна смотрели друг на друга.

Я прищурил глаза, чтобы разглядеть девочку получше, пока она открывала двойные балконные двери, но потом вытаращил их, увидев, что она делает.

Что? Она что, ненормальная?

Открыв окно, я высунулся из него и завопил в тишину ночи:

– Эй! Что ты делаешь?

Девчонка резко подняла голову и, размахивая руками из стороны в сторону, закачалась на ветке дерева, пытаясь сохранить равновесие. У меня перехватило дыхание. Я тут же вылез из окна и начал карабкаться по дереву к ней.

– Осторожнее! – снова закричал я, а она присела и ухватилась за толстую ветвь руками.

Я пробирался по дереву, держась за ветку над головой.

Тупица. О чем она думала?

Она стояла на четвереньках, глядя на меня большими голубыми глазами и вцепившись в ветку, которая ходила под ней ходуном.

– Нельзя лазить по деревьям одной, – сердито сказал я. – Ты чуть не упала. Иди сюда. – Я наклонился и схватил ее за руку.

В пальцах тут же появилось ощущение покалывания – такое бывает, когда рука немеет во сне.

Девчонка поднялась на дрожащих ногах, и я, держась за сук над головой, помог ей добраться до ствола, где ветви были толще.

– Зачем ты это сделал? – пожаловалась она, послушно следуя за мной. – Я умею лазить по деревьям. Ты напугал меня, и из-за этого я чуть не упала.

Мельком взглянув на девочку, я уселся на крепкую ветку ближе к стволу и вытер ладони о свои длинные, болотного цвета шорты:

– Ну да, конечно.

Я уставился вниз, на нашу улицу Фолл-Эвей-Лейн, но не мог отделаться от ощущения ее руки в своей. Странное покалывание успело добраться до плеча и теперь охватило мое тело целиком. Мне казалось, будто все волоски на коже встали дыбом, и даже хотелось засмеяться, как от щекотки.

Девочка продолжала стоять и, вероятно, дулась на меня, но через несколько секунд опустилась рядом и тоже свесила ноги.

– Итак, – спросила она, показав на мой дом: – Ты там живешь?

– Ага. С мамой. – Я посмотрел на нее как раз в тот момент, когда девочка опустила глаза и принялась теревать свои пальцы.

Сначала она погрустнела, а потом вдруг наморщила бро-

ви, словно пытаюсь не расплакаться.

Что я такого сказал?

На ней был тот самый комбинезон, в котором я видел ее сегодня, когда она вместе с отцом выносила вещи из машины, и девочка успела выпачкаться, но все равно выглядела такой чистенькой. А ее волосы были красиво распущены.

Минуту мы сидели молча, глядя на дорогу, слушая, как ветер шелестит листьями вокруг нас.

По сравнению со мной девочка и впрямь казалась такой маленькой, – того и гляди упадет с ветки, не сумев на ней удержаться.

Уголки ее губ были опущены, и я не понимал, что ее так опечалило. Я был уверен лишь в одном: никуда не уйду, пока ей не станет лучше.

– Я видел твоего папу, – начал я. – А мама где?

У девочки задрожала нижняя губа.

– Мама умерла весной, – призналась она, посмотрев на меня.

В ее глазах стояли слезы, но она глубоко дышала, словно старалась быть сильной.

У меня не было знакомых ребят, у которых умер кто-то из родителей, и мне даже стало стыдно из-за того, что мне не нравилась моя мать.

– А у меня нет отца, – сказал я, надеясь, что это подбодрит ее. – Он ушел, когда я был совсем маленьким. Мама говорит, что он нехороший человек. Твоя мама хотя бы не по

собственному желанию тебя бросила, правда ведь?

Я знал, что несу чушь. Я не хотел вывернуть все так, словно ей повезло больше, чем мне. Просто мне казалось, что я обязан сделать все что угодно, чтобы она только повеселела.

Например, обнять ее – мне и правда хотелось это сделать.

Но я не стал.

– У твоего отца какая-то старая машина, – решил я сменить тему.

Не глядя на меня, девочка закатила глаза.

– Это «Шеви Нова», а не какая-то старая машина.

Я знал название модели, но хотел проверить, знает ли она.

– Мне нравятся машины. – Я скинул свои «диски»², и они упали на землю, а она сделала то же самое со своими красными «чаксами». Мы сидели, болтая в воздухе голыми ногами. – Когда-нибудь я буду гоняться на Петле.

Девочка подняла на меня глаза:

– Петля? Что это?

– Это гоночный трек, куда пускают ребят постарше. Туда можно поехать, если ты учишься в старших классах и у тебя есть машина. Потом придешь за меня поболеть.

– А почему я сама не могу погонять? – У нее был возмущенный вид.

Она что, серьезно?

– Не думаю, что девчонкам разрешают гоняться, – объяс-

² DC Shoes (англ.) – американская компания-производитель спортивной одежды.

нил я, пытаюсь не расхохотаться.

Она сузила глаза и опять отвернулась к дороге.

– Ты сделаешь так, чтобы мне разрешили.

Я улыбнулся одними уголками губ, сдерживая смех.

– Может быть.

Ну конечно.

Она протянула мне руку:

– Я Татум, но все зовут меня Тэйт. Мне не нравится имя Татум. Понял?

Я кивнул, пожал ей руку и снова ощутил приятное покалывание.

– Я Джаред.

Глава 1

6 лет спустя

Кровь стекает по нижней губе на пол, оставляя след, похожий на длинную полоску алой краски. Я копил ее во рту, пока она сама не начала вытекать наружу, – сплевывать чертовски больно.

– Папа, пожалуйста, – молю я дрожащим голосом, меня трясет от страха.

Мама была права. Он плохой человек. И зачем я только уговорил ее отпустить меня к нему на лето?

Я стою на коленях на полу в его кухне, меня всего колотит, руки связаны за спиной. Колючая веревка врежется в кожу.

– Ты умоляешь меня, щенок? – рывкает он, и ремень снова опускается на мою спину.

Я зажмуриваюсь, сжимаюсь от боли, лопатки горят огнем. Закрыв рот, стараюсь не издавать ни звука, дышу носом, пока жжение не отступает. Кожа на губах кажется натянутой и распухшей, вязкий металлический привкус крови заполняет рот.

Тэйт.

Ее лицо всплывает в моей памяти, и я прячусь в тех уголках своего сознания, где есть она. Где мы с ней вместе. Ее

солнечные волосы развеваются на ветру – мы карабкаемся на валуны у рыбного пруда. Я всегда лезу вторым, на случай, если она оступится. Она смотрит на меня сверху вниз, и ее глаза, серо-голубые, как небо перед дождем, улыбаются.

Но голос отца прорывается через завесу воспоминаний.

– Не умоляй! Не проси прощения! Вот что я получил, позволив этой сучке растить тебя все эти годы! Ты ничто! Жалкий трус! Вот кто ты!

Он хватается за волосы и резко отводит мою голову назад, чтобы я посмотрел ему в глаза. Кожу под волосами пронзает боль. Мне становится дурно, когда я чувствую исходящий от него запах пива и сигарет.

– Хотя бы Джекс меня слушает, – цедит он сквозь зубы, и у меня сводит желудок от приступа тошноты. – Правда, Джекс? – кричит он, повернув голову.

Отец отпускает меня, подходит к морозильнику в углу кухни и стучит по дверце.

– Ты там жив еще?

Я пытаюсь сдержать слезы, и каждый нерв на моем лице сводит от боли. Я не хочу расплакаться или закричать, но Джекс, другой сын моего отца, провел в морозильнике уже почти десять минут. Целых десять минут, и до сих пор не издал ни звука!

Почему отец так поступает? Почему наказывает Джекса, хотя зол на меня?

Но я храню молчание, чтобы угодить отцу. Если он по-

лучит то, что хочет, возможно, выпустит моего брата. Джекс, наверное, совсем там замерз. Я даже не знаю, есть ли там воздух. Как долго можно продержаться в морозильнике? Может, он уже мертв.

Господи, он же еще совсем ребенок! Я моргаю, пытаюсь отогнать слезы. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

– Итак... – Отец подходит к кухонному столу, за которым сидят его подружка Шерилин, идиотка с безумной прической, и приятель Гордон, жутковатый тип, который очень странно на меня смотрит.

Эти двое явно под наркотой и не обращают никакого внимания на то, что происходит с двумя беспомощными детьми.

– Что скажете? – Отец кладет ладони им на плечи. – Как же нам научить моего мальчика быть мужчиной?

Я вздрогнул и проснулся. Кровь глухо пульсировала в затылке и в голове. На плече блестела капля пота. Моргнув, я постепенно начал различать знакомую обстановку, стены.

Все в порядке. Я тяжело дышал. Их здесь нет. Это был просто сон.

Я дома. Здесь нет отца. Гордон и Шерилин остались в прошлом.

Все нормально.

Но мне необходимо было убедиться в этом.

Веки казались до жути тяжелыми, но я сел в кровати и поспешно осмотрелся. Утренний свет врывается в окно, слепящий, как луч прожектора, и я поднес руку к лицу, чтобы прикрыть глаза.

Баракло, которое обычно лежало на тумбочке, валялось на полу, но в этом не было ничего необычного – я всегда устраивал бардак, когда напивался. И если не обращать внимание на некоторый беспорядок, в комнате было тихо и спокойно.

Я сделал долгий выдох и снова набрал воздуха в грудь, пытаясь немного замедлить пульс, а сам продолжил инспектировать комнату. Только описав полный круг, мои глаза наконец остановились на выпуклости под одеялом рядом со мной. Пытаясь не обращать внимания на похмельную боль между глаз, я приспустил одеяло, чтобы посмотреть, кого я по глупости – или по пьяни – оставил у себя дома на всю ночь.

Чудесно.

Еще одна гребаная блондинка.

О чем я, блин, думал вообще?

Блондинки были мне не по вкусу. Они всегда казались слишком хорошими. Ничего особенного или хотя бы сколько-нибудь интересного. Чересчур правильные.

Обычные милашки, такие обычно живут по соседству.

Кому такие нужны?

Но последние несколько дней – когда мне снова начали

сниться кошмары – я буквально помешался на блондинках. Словно испытывал какую-то нездоровую тягу к саморазрушению из-за той единственной блондинки, которую так любил ненавидеть.

Однако... Надо признать, что эта девчонка под одеялом очень даже ничего. Гладкая кожа, красивая грудь. Она вроде говорила, что вернулась на лето из университета Пердью. А я вроде и не сказал ей, что мне шестнадцать и я еще учусь в школе. Может, ошарашить ее, когда она проснется. Исключительно ради забавы.

Я откинул голову на подушку. От боли я даже не мог улыбнуться, хотя меня позабавила мысль о том, в какой шок придет девица, узнав правду.

– Джаред? – Моя мать постучала в дверь, и я резко поднял голову и поморщился – так застучало в голове.

Лоб и виски разрывало так, словно кто-то всю ночь втыкал мне в голову вилку, и сейчас мне меньше всего хотелось иметь дело с матерью. Но я все равно встал с кровати, пока девчонка не проснулась. Приоткрыв дверь, я через щелку посмотрел на мать, призывая на помощь все свое терпение.

На ней были розовые штаны и облегающая футболка с длинными рукавами – по правде говоря, совсем неплохо для воскресенья, – но все, что выше, было как обычно запущено. Волосы кое-как собраны в пучок, тушь, не смытая накануне, размазана под глазами.

Еще неизвестно, у кого из нас похмелье было сильнее.

Единственная причина, по которой мать встала раньше меня и уже бродила по дому, – это потому, что у нее в этом деле было больше опыта.

Однако стоило ей привести себя в порядок, как в глаза сразу же бросалось, что мама еще очень молодая. При первой встрече большинство моих друзей принимали ее за мою сестру.

– Что тебе надо? – спросил я.

Наверное, хочет, чтобы я ее впустил. Но об этом и речи быть не могло.

– Тэйт уезжает, – сказала она мягко.

Сердце глухо забилося у меня в груди.

Что, сегодня?

И вдруг словно чья-то невидимая рука распорола мне живот, и я съежился от боли. Не знаю, похмелье было тому виной или слова матери, но мне пришлось сжать зубы, чтобы сдержать подступившую к горлу желчь.

– И что? – пробормотал я, явно переигрывая.

Мать закатила глаза.

– А то, что ты бы поднял задницу и попрощался с ней. Ее не будет целый год, Джаред. Вы когда-то дружили.

Точно, до того, как два года назад... Тогда летом, перед тем как пойти в девятый класс, я поехал к отцу, а вернувшись, понял, что я совсем одинок. Мать... я никогда не мог на нее положиться, отец оказался чудовищем, а Тэйт... разве она была моим другом?

Я покачал головой, а потом захлопнул дверь перед носом у матери.

Ага, как же, сейчас побегу обнимать Тэйт на прощание. Подумаешь! Я рад, что от нее избавлюсь.

Но в горле встал ком, который я никак не мог проглотить. Я привалился спиной к двери. На плечи будто опустилась гора кирпичей. Я и забыл, что Тэйт сегодня уезжает. После той вечеринки у Бэкманов два дня назад я почти не просыпался.

Вот дерьмо.

Я услышал, как снаружи захлопали дверцы машины, и приказал себе оставаться на месте. Мне не нужно ее видеть.

Пусть себе учится за границей, во Франции. Ее отъезд – это, черт побери, лучшее, что может случиться.

– Джаред! – позвала мать снизу, и я тут же напрягся. – Пес выбежал на улицу. Тебе лучше сходить за ним.

Прекрасно.

Спорим, она специально выпустила проклятого пса? А еще спорим, она открыла именно *переднюю* дверь? Я с такой силой свел брови к переносице, что мне снова стало больно.

Натянув вчерашние джинсы, я широко распахнул дверь – плевать на девушку из Пердью, – и сбежал вниз по лестнице.

Мать ждала у открытой передней двери с поводком в руках и с такой улыбкой на лице, будто придумала нечто гениальное. Выхватив у нее поводок, я вышел на улицу и направился во двор Тэйт.

Мэдмэн когда-то был и ее собакой тоже – куда еще ему бежать?

– Ты пришел попрощаться? – говорила Тэйт, опустившись перед псом на колени. Она стояла на газоне перед домом, а рядом был припаркован «Форд Бронко» ее отца. Я застыл на месте, услышав ее восторженный смех. Мэдмэн тыкался носом ей в шею, а Тэйт радостно улыбалась, зажмурившись от удовольствия.

Ее кожа цвета слоновой кости переливалась в лучах утреннего солнца, а пухлые розовые губы были приоткрыты, обнажая ряд идеальных белых зубов.

Пес, судя по всему, тоже был счастлив и бешено вилял хвостом, а я вдруг почувствовал себя непрощеным гостем.

Они были похожи на влюбленную парочку. У меня в животе что-то екнуло.

Черт возьми. Я сжал зубы.

Как ей это удавалось? Почему я всегда чувствовал себя счастливым, когда видел счастливой ее?

Я крепко зажмурился.

Тэйт продолжала болтать с псом.

– О, да, я тоже люблю тебя! – Она будто говорила с маленьким ребенком, сюсюкала и все такое, а Мэдмэн тыкался в нее носом и лизал лицо.

Он не должен так любить ее. Что она вообще сделала для него за последние два года?

– Мэдмэн, ко мне! – рявкнул я, хотя на самом деле не был

так уж зол на пса.

Тэйт перевела взгляд на меня и встала.

– Ты и с ним теперь ведешь себя по-свински? – нахмурилась она, и именно в этот момент я заметил, во что она одета.

На ней была футболка *NineInch Nails*, которую я подарил ей, когда нам было по четырнадцать. В груди у меня почему-то защемило.

Я и забыл, что у нее есть такая футболка.

Ну, ладно... не совсем так. Просто не думал, что она ее сохранила.

Хотя Тэйт, вероятно, даже не помнила, что это я ее подарил.

Я опустился на колени, чтобы пристегнуть поводок к ошейнику Мэдмэна, и улыбнулся одними уголками губ.

– Ты снова разговариваешь, Татум.

Я больше не звал ее Тэйт. Она терпеть не могла имя «Татум», и именно поэтому я называл ее так.

Я постарался придать своему лицу скучающее, снисходительное выражение.

Мне будет лучше, когда она уедет, говорил я себе. Она для меня ничто.

И все же слабый голосок внутри меня не унимался. *Она для тебя все.*

Тэйт покачала головой и повернулась, чтобы уйти. В ее глазах читалась боль.

Значит, она не собиралась давать мне отпор. Не сегодня.

Похоже, та вечеринка в пятницу – когда я унизил ее, а она ударила моего друга Мэдока прямо в лицо, – была одноразовой акцией.

– Ты в этом полетишь? – спросил я с издевкой.

Мне стоило просто уйти, но, черт возьми, я не мог перестать ее провоцировать. Это была какая-то зависимость.

Она снова повернулась ко мне, ее пальцы сжались в кулаки.

– Тебе-то что?

– Просто эта майка похожа на мешок, только и всего.

Но это была откровенная ложь.

Черная футболка не была новой, но облегала стройное тело Тэйт, будто была сшита специально для нее, а темные джинсы обтягивали ее задницу так, что я мог в точности представить, как она выглядит без одежды. С ее длинными блестящими волосами и безупречной кожей она была как пламя и леденец – два в одном, и мне хотелось лизнуть ее и обжечься одновременно.

Татум была невероятно сексуальна, но не подозревала об этом.

Блондинка или нет, она точно в моем вкусе.

– Не беспокойся, – продолжил я. – Я все понял.

Она сузила глаза.

– Что понял?

Немного подавшись вперед, я ответил ей с самодовольной ухмылкой:

– Тебе всегда нравилось носить мою одежду.

Ее глаза округлились, а щеки вспыхнули. Я ее задел, это было очевидно. Эмоции бушевали на ее упрямом маленьком личике.

Я улыбнулся себе под нос, потому что мне это, черт возьми, нравилось.

И, тем не менее, она не убежала прочь.

– Подожди здесь. – Тэйт подняла кверху указательный палец и направилась к машине.

Порывшись под передним сиденьем, где ее отец держал специальный набор для аварийных ситуаций, она что-то вытащила и захлопнула дверцу автомобиля. К тому моменту, как с оскорбленным видом она вернулась ко мне, я успел рассмотреть, что у нее в руке зажигалка.

Прежде чем я догадался, что происходит, Тэйт стянула с себя футболку, продемонстрировав идеальную грудь в чертовски сексуальном спортивном бюстгальтере.

Черт побери, сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди.

Вот дерьмо.

Я смотрел, не дыша, как она чиркнула зажигалкой и, держа футболку в вытянутой руке, подожгла ее снизу, сантиметр за сантиметром превращая в пепел.

Мать моя женищина! Что, черт возьми, происходит?

Наши взгляды встретились, и время остановилось, пока мы смотрели друг на друга, забыв об объятый пламенем ткани между нами. Волосы Тэйт развевались, а взгляд ее глаз,

в которых бушевала буря, пронзал меня насквозь, впиваясь в мою кожу, в мой ум, и лишал способности двигаться и говорить.

У нее немного дрожали руки, а дышала она хоть и ровно, но глубоко. Тэйт жутко нервничала.

Ладно, значит, то, что она на днях сломала Мэдоку нос, не было случайностью. Она решила дать мне отпор.

Последние два года я занимался тем, что делал ее жизнь невыносимой. Пустил парочку ложных слухов, сорвал ей пару свиданий, и все ради собственного удовольствия. Я проверял Тэйт на прочность, делая изгоем в школе, и вокруг этого вращался мой мир, но она никогда не давала мне отпор. До сей поры. Вероятно, решила, что раз уезжает из страны, то может забыть о всякой осторожности.

Я с удвоенной энергией сжал кулаки и вдруг оцепенел при мысли, как сильно мне будет этого не хватать. Не ненависти к ней, не возможности поиздеваться, нет.

Просто. Не хватать. Ее.

И, осознав это, я напряг челюсть так сильно, что она заболела.

Твою мать.

Она по-прежнему имела надо мной власть.

– Татум Николь! – Раздался крик ее отца, и мы оба вернулись в реальность. Он мигом слетел с крыльца, подбежал к ней и, выхватив футболку у нее из рук, швырнул на землю и затоптал пламя.

Я все еще удерживал взгляд Тэйт, но чары были разрушены, и мне наконец удалось выдохнуть.

– Увидимся через год, Татум, – почти выплюнул я с надеждой, что это прозвучало как угроза.

Она вздернула подбородок и только сверкнула глазами в мою сторону, когда отец приказал ей пойти в дом и одеться.

Отирая холодный пот со лба, я направился к себе домой вместе с Мэдмэном, который семенил рядом.

Черт. Я втягивал воздух с такой силой, словно завтра на планете закончится кислород.

Почему я никак не мог изгнать эту девчонку из своего существа? И ее сексуальный пиротехнический этюд вряд ли этому поспособствует.

Эта картинка останется в моей памяти навечно.

Страх поселился в моих мыслях именно тогда, когда я понял, что Тэйт действительно уезжает. Я больше не смогу ее контролировать. Она будет проживать день за днем, не думая обо мне. Пойдет на свидание с первым же придурком, который проявит к ней интерес. А еще хуже то, что я не смогу видеть ее, слышать о ней. У нее будет своя жизнь, в которой мне не останется места. Я был напуган.

Все вдруг стало чужим и неуютным. Мой дом, мой район, мысль о том, что через неделю начнется учебный год.

– Черт, – прорычал я себе под нос.

Это дерьмо должно закончиться.

Мне нужно на что-то отвлечься. И немедленно.

Оказавшись в доме, я спустил собаку с поводка и взбежал по лестнице в свою комнату, на ходу вытаскивая телефон из кармана.

Если бы звонил не я, Мэдок не взял бы трубку в такую рань. Но своему лучшему другу он ответил всего после пары гудков.

– Я. Еще. Сплю, – проворчал он.

– Ты все еще хочешь устроить вечеринку у бассейна до начала учебы? – спросил я, подходя к комоду и включая трек *Crazy Bitch* группы *Buckcherry* на своем айпоне, который стоял на док-станции.

– Нам обязательно сейчас это обсуждать? Каникулы же еще неделю. – Его голос звучал так, словно он лежал, уткнувшись лицом в подушку, но последние пару дней Мэдок все время так разговаривал. После того как Тэйт сломала ему нос, он мог нормально дышать только одной ноздрей.

– Сегодня. Сегодня вечером, – буркнул я, подходя к окну.

– Чувак, – пробубнил он, – да я никакой после вчерашнего.

По правде говоря, я тоже еще не пришел в себя. От количества алкоголя, в котором я пытался утонуть прошлым вечером, голова еще кружилась, но я все равно не собирался оставаться весь день наедине со своими мыслями.

Тэйт уезжает во Францию на год.

Она стоит во дворе в одном лифчике, разжигая пламя.

Я тряхнул головой, пытаюсь выбросить из головы эти кар-

тинки.

– Тогда двигай в спортзал и пропотей как следует, чтобы согнать похмелье, – приказным тоном сказал я. – Мне нужно отвлечься.

Зачем я это сказал? Теперь он догадается, что со мной что-то не так, а мне не нравится, когда люди лезут в мои дела.

– Тэйт уехала? – осторожно спросил Мэдок.

Она как раз выходила из дома в другой футболке. Мои плечи напряглись, но я ответил как ни в чем не бывало:

– Да какое мне до нее дело? Ты устроишь вечеринку или нет?

На несколько секунд в телефонной трубке повисла тишина, а потом Мэдок пробормотал:

– Мм, угу. – Это звучало так, словно ему было что добавить, но он благоразумно решил вовремя закрыть свой чертов рот. – Ладно. Только я не хочу видеть те же физиономии, что и вчера. Кого позовем?

Глядя на то, как «Бронко» отъезжает от дома, и на чертову блондинку за рулем, которая ни разу не обернулась, я плотнее прижал телефон к уху.

– Блондинок. Много блондинок.

Мэдок издал тихий смешок.

– Ты же ненавидишь блондинок.

Не всех. Только одну.

Я вздохнул.

– Прямо сейчас мне хочется только их. – Мне было пле-

вать, понял Мэдок или нет. Он не станет приставать ко мне с расспросами, именно поэтому он мой лучший друг. – Отправь всем сообщения и достань выпивку. Я захвачу еды и приеду через несколько часов.

Я резко обернулся, услышав невинный тихий стон, донесшийся из кровати. Девчонка из Пердю – я забыл, как ее зовут, – просыпалась.

– Почему не сейчас? Можем вместе сходить в спортзал, а потом затаримся, – предложил Мэдок, но я не мог отвести взгляд от голой спины девчонки, лежавшей в моей постели. Она поерзала немного, и одеяло спустилось вниз, оголив ее спину до самой задницы. Я не видел ее лица – только кожу и золотистые волосы.

И я повесил трубку, не ответив Мэдоку, потому что единственным местом, где мне хотелось оказаться прямо сейчас, была моя постель.

Глава 2

Следующие несколько недель были похожи на прыжок в пещеру с исправным парашютом, которым я отказался воспользоваться. Школа, мать, Джекс, друзья – все они были рядом, за них я мог ухватиться, но единственным, ради чего я выходил из дома каждый день, была возможность нарваться на неприятности.

Раздраженный, озлобленный, я тащился на урок английского, пытаюсь понять, какого черта вообще продолжаю ходить в эту школу. Меньше всего мне хотелось просиживать свой зад в этом проклятом месте. Коридоры всегда были битком набиты народом, но при этом казались пустыми.

Выглядел я тоже дерьмово. Мой левый глаз был фиолетового цвета, а нос рассекала царапина, подаренная мне кем-то в драке, которой я даже не помнил. Плюс к этому сегодня утром я оторвал рукава от своей футболки, потому что не мог дышать.

Не помню точно, о чем я тогда думал, но на тот момент мне казалось, что это поможет.

– Мистер Трент, не садитесь, – распорядилась миссис Пенли, когда я с опозданием вошел в класс. Все уже сидели на своих местах, и я остановился и посмотрел на нее.

Я относился к Пенли не хуже, чем к остальным, но все равно не мог скрыть скучающей гримасы, которая, уверен,

появилась на моем лице.

– Простите? – сказал я, глядя, как она ставит подпись на розовом бланке.

Я вздохнул, зная, что означает этот цвет. Вставив ручку в пучок на макушке, Пенли протянула мне бумагу.

– Вы меня слышали. Идите к директору.

Я оживился, уловив в ее голосе раздраженные нотки.

Опоздания и прогулы вошли у меня в привычку, и Пенли наконец-то разозлилась. Однако она еще долго терпела. Большинство других преподавов выставили меня за дверь уже на первой неделе занятий.

Я улыбнулся, меня охватила эйфория при мысли о возможном столкновении.

– А где же «пожалуйста»? – с издевкой спросил я, выхватив бумагу у нее из рук.

Послышались приглушенные смешки и фырканье, и Пенли сузила свои темно-карие глаза.

Но, надо отдать ей должное, не дрогнула.

Развернувшись, я швырнул розовую бумажку в корзину для мусора и с силой распахнул деревянную дверь. Мне было все равно, закроется ли она за мной, когда я вышел из класса.

До меня донеслись удивленные оханья и перешептывания, но это было мне не в новинку. Большинство одноклассников в последнее время предпочитали держаться от меня подальше, но мое пренебрежение правилами уже успело приесться. По крайней мере, мне. Когда я вел себя как

последний мерзавец, сердце больше не начинало учащенно биться. Мне не терпелось поднять ставки.

– Мистер Карутерс! – раздался голос Пенли, я обернулся и увидел, что вслед за мной в коридор вышел и Мэдок.

– У меня критические дни, миссис Пенли, – произнес он самым серьезным тоном. – Я скоро вернусь.

На этот раз класс просто взорвался хохотом.

Мэдок был не такой, как я. Всеобщий любимчик, душа компании. Преподнесет вам порцию дерьма, а вы попросите кетчуп.

– Знаешь что? – Он припустил бегом и, поравнявшись со мной, ткнул большим пальцем в противоположном направлении. – Кабинет директора в той стороне.

Я глянул на него, вскинув бровь.

– Ладно, ладно. – Друг потряс головой, словно прогоняя безумную мысль, что я действительно собираюсь неизвестно сколько времени торчать в канцелярии. – Так куда мы?

Я вытащил ключи из кармана джинсов и надел солнцезащитные очки.

– А тебе не все равно?

* * *

– И что ты собираешься делать с деньгами? – спросил Мэдок, рассматривая свою новую татуировку.

Мы забили на школу и разыскали тату-салон, где не обя-

зательно было предъявлять документы. Место называлось «Черные Дебз» – где «дебз» оказалось сокращением от слова «дебютантки». Я сначала не мог взять в толк, что означает это название, а потом осмотрелся и заметил, что абсолютно весь штат этого заведения женского пола.

Нам еще не исполнилось восемнадцать, поэтому по закону мы не могли сделать татуировку без согласия родителей, но здесь всем вроде как было наплевать.

Девушка по имени Мэри только что закончила выводить на спине у Мэдока слово *Fallen*³, причем буква «е» была обжата пламенем. По мне, так она больше походила на «о», но я ничего не сказал⁴. Мэдок не спрашивал, что означает моя татуировка, и я тоже не собирался лезть к нему в душу.

– Возможностей не так и много, – ответил я, издав звук «гхм», когда игла проткнула кожу над ребром. – Большую часть денег мать отложила на колледж. Я смогу воспользоваться ими только после выпускного. Но мне удалось получить кое-что уже сейчас. Я подумываю купить новую машину, а *GT* отдать Джексу.

В прошлом году умер мой дед по материнской линии, оставив мне в наследство участок земли и домик рядом с озером Дженива в штате Висконсин. Эта лачуга разваливалась, к тому же не была для нашей семьи чем-то особым,

³ Падший (англ.).

⁴ *Fallon* – женское имя, а также фамилия известного американского комика и актера Джимми Фаллона.

никакие воспоминания с ней связаны не были, поэтому мама согласилась продать ее каким-то застройщикам, которых интересовала только земля. Большую часть денег она положила на счет в банк.

На самом деле, я даже гордился тем, что она настояла на этом. Ей было несвойственно принимать такие ответственные, взрослые решения.

Но при этом я совсем не хотел думать ни о каком колледже.

Мне не нравилась сама мысль о том, как после окончания школы все изменится.

У меня зазвонил телефон, но я отключил звук.

Прикрыв глаза, я слушал трек *Cold* группы *Crossfade*, звучащий в салоне, и наслаждался ощущением вонзающейся в кожу иглы. Войдя сюда, я вдруг расслабился и, кажется, даже думать перестал. Мои конечности казались мне невесомыми, и тонна дерьма, которая давила на мои плечи, будто испарилась.

А я могу к этому пристраститься.

Я улыбнулся, представив себя через десять лет сплошь покрытого татуировками просто потому, что мне нравилась боль.

– Хочешь взглянуть? – наконец спросила Аура, тату-мастер, чья голова была украшена дредами.

Я встал и подошел к зеркалу на стене, разглядывая надпись у себя на боку.

Вчера длится вечно. Завтра не наступает никогда.

Эти слова возникли в моей голове буквально из ниоткуда, но они показались мне такими правильными. Шрифт был достаточно неразборчив, и фраза читалась с трудом – именно эту цель я и преследовал.

Татуировка предназначалась для меня, ни для кого больше.

Я покосился на маленькие капельки крови, словно выпившие в самом конце слова «Никогда».

– Об этом я не просил, – проворчал я, бросив грозный взгляд на Ауру в зеркале.

Она надела темные очки и сунула незажженную сигарету в рот.

– Это искусство, малыш, тебе не понять.

И вышла через заднюю дверь на улицу. Судя по всему, покурить.

Впервые за несколько недель я рассмеялся.

Это что-то, когда женщина может так тебя опустить.

Мы расплатились, потом купили в магазине еды и приехали ко мне. Мать отправила мне сообщение, предупредив, что после работы встречается с друзьями, а значит, дома какое-то время никого не будет. Когда мать пила, то не возвращалась, пока не набиралась до беспамятства.

Но, войдя в дом, я увидел – как будто мое настроение и без того не было фиговым, – посылку из Франции.

Она была адресована отцу Тэйт и к нам, похоже, попала

по ошибке. Мама, заехав на обед, машинально вскрыла ее. И теперь написала мне записку с просьбой, когда я вернусь домой, отнести коробку соседу.

Ага, не раньше, чем я удовлетворю свое проклятое любопытство.

Когда Мэдок ушел в гараж, захватив с собой еду, чтобы мы перекусили прямо за работой, я отогнул края картонной коробки и тут же закрыл ее снова. Кровь буквально вскипела, и я почувствовал голод, которого не испытывал уже много недель. Я так и не понял, что было в этой коробке, но уловил запах Тэйт, и мое тело сразу же пришло в полную готовность.

Моя непродолжительная эйфория от набитой татуировки медленно испарилась, сменившись бешеной энергией.

Я отнес посылку к соседнему дому и бросил ее на крыльцо, а потом направился в гараж, чтобы с головой окунуться в работу над машиной.

– Подержи фонарь, – скомандовал я Мэдоку.

Он залез под капот еще глубже, в то время как я пытался выкрутить свечи зажигания.

– Перестань давить, – предостерег он. – Иначе они сломаются.

Я замер, крепче сжав в руке разводной ключ, а потом, прищурившись, посмотрел на него.

– Думаешь, мне об этом не известно?

Друг хмыкнул и отвел взгляд, и я кожей чувствовал его

осуждение.

Почему я спускаю на него собак?

Покачав головой, я с еще бóльшим усилием надавил на свечу. Раздался щелчок, и моя рука тут же сорвалась, а тело резко подалось вперед.

– Черт, – проворчал я и швырнул разводной ключ под капот, и он затерялся в царившем там бедламе.

Проклятье.

Я оперся на края капота.

– Экстрактор.

Потянувшись к верстаку с инструментами, Мэдок повторил мои собственные слова:

– И где же «пожалуйста»?

Он протянул мне экстрактор, чтобы я мог вытащить свечу зажигания.

Задача оказалась та еще, и Мэдок наверняка был жутко доволен собой – ведь он меня предупреждал.

– Слушай... – начал он со вздохом. – Я держал рот на замке, но...

– Вот и не открывай.

Мэдок резко выдернул руку с фонарем из-под капота, и я отпрянул назад, уворачиваясь, когда он замахнулся и швырнул его через весь гараж. Фонарь разбился об стену.

Твою мать!

Его обычная расслабленность сменилась гневом. Взгляд стал колючим, а дыхание учащенным.

Мэдок был в ярости, и я понял, что перегнул палку.

Стиснув зубы, я облокотился на машину и приготовился к вспышке. Они случались нечасто, а потому воспринимались мной серьезно.

– Ты идешь на дно, чувак! – заорал мой друг. – Ты не ходишь на занятия, ты всех задолбал, мы постоянно деремся с какими-то придурками, у меня уже синяков и царапин немерено! Какого хрена?! – Его слова буквально повисали в воздухе, заполняя помещение. Все было так, как он говорил, но я не хотел смотреть правде в глаза.

Все казалось каким-то не таким.

Я ощущал голод, но есть не мог. Мне хотелось смеяться, но ничто меня не радовало. Все привычные развлечения больше не заставляли мое сердце биться чаще. Даже этот район с его чистыми подстриженными газонами, который всегда был для меня уютным и родным, теперь казался обнищавшим и безжизненным.

Меня словно закрыли в чертовой банке, и я задыхался – у меня было все, чего я хотел, только воздуха не было.

– Она вернется через восемь месяцев. – Тихий голос Мэдока прокрался в мои мысли, и я заморгал, не сразу осознав, что он говорит о Тэйт.

Я покачал головой.

Нет.

С чего это он?

Она тут ни при чем. Она. Мне. Не. Нужна.

Сжав разводной ключ в кулаке, я выпрямил спину, мне хотелось запихнуть эти слова обратно ему в глотку.

Мэдок перевел взгляд на мою правую руку с зажатым в ней инструментом, а затем снова посмотрел мне в лицо.

– Что? – бросил он с вызовом. – Что ты собираешься сделать?

Мне хотелось ударить – что угодно, кого угодно. Даже если этот кто угодно был моим лучшим другом.

Из этого тупика меня вывел звонок – телефон завибрировал в кармане. Я вытащил его, не сводя взгляда с друга, и резко бросил:

– Да?

– Эй, приятель, я целый день пытаюсь до тебя дозвониться, – услышал я приглушенный голос своего брата, Джекса.

Я по-прежнему тяжело дышал, а таким я брату был не нужен.

– Я не могу сейчас говорить.

– Отлично, – резко ответил он. – Тогда пошел ты! – И нажал отбой.

Твою мать!

Я сжал телефон в руке, и мне хотелось, чтобы он рассыпался в прах.

Покачив головой, Мэдок накрыл верстак тряпьем и вышел из гаража.

– Черт, – прошипел я, набирая номер Джекса.

Мой брат – единственный человек, ради которого я дол-

жен был держаться. Он нуждался во мне. Два года назад, после того как я сделал ноги из отцовского дома, я заявил в полицию о жестоком обращении. Не со мной, с братом. Джекса тогда забрали у отца и отдали в приемную семью – его родная мать так и не нашлась.

Все, что у него было, – это я.

– Прости, – выпалил я, не дожидаясь, пока он скажет: «Алло». – Я слушаю. Что случилось?

– Заберешь меня?

Да, отличная идея – без свечей зажигания. Но Мэддок, возможно, еще не успел укатить.

– Где ты? – спросил я.

– В больнице.

Глава 3

– Простите, чем я могу вам помочь? – окликнула меня медсестра, когда я ворвался в двери больницы. Я знал, что должен сначала отметиться у нее, но пусть лучше засунет свою папку себе в задницу. Мне нужно найти брата.

У меня вспотели ладони, я понятия не имел, что случилось. Джекс повесил трубку сразу после того, как сообщил, где его искать.

Однажды я уже оставил его одного – когда ему было очень плохо. Это больше не повторится.

– Придержи коней, приятель, – раздался голос Мэдока. – Мы найдем его куда быстрее, если спросим, где он.

А я даже не заметил, что друг вошел в больницу вместе со мной.

Подошвы моих ботинок скрипели по линолеуму, пока я метался по коридорам, отодвигая занавески одну за другой. Наконец я увидел брата.

Джекс сидел на койке, свесив свои длинные ноги и держась рукой за лоб. Я схватил его за собранные в хвост волосы и запрокинул голову назад, чтобы посмотреть, что у него с лицом.

– Ай, черт! – крикнул он.

Похоже, я был недостаточно нежен.

Он щурился на свет флуоресцентных ламп, пока я разгля-

дывал его защиту бровь.

– Мистер Трент! – послышался у меня за спиной сердитый женский голос. Я не знал, к кому из нас обращаются – ко мне или к Джексу, ведь мы оба носили отцовскую фамилию.

– Что случилось? – Вопрос адресовался не Джексу. За него было с кого спросить.

Мой брат – еще ребенок. Неважно, что нас разделяет всего год с небольшим, он все равно младший.

И его жизнь полна дерьма.

Его мать-индианка была несовершеннолетней, когда забеременела им. От отца Джекс унаследовал лазурно-голубые глаза, остальное досталось ему от матери.

Его иссиня-черные, доходившие почти до середины спины волосы казались светлее. Несколько прядей были заплетены в косички, и вся эта масса собрана сзади в хвост. Его кожа была на пару тонов смуглее моей, но все затмевала его ослепительная улыбка.

Женщина за моей спиной кашлянула и сухо ответила:

– Мы не знаем, что с ним случилось. Он нам не говорит.

Я стоял перед Джексом, не поворачиваясь к ней. Она, возможно, была врачом или социальным работником. Или из полиции. Какая разница. Они все смотрели на меня одинаково. Так, будто меня надо хорошенько выпороть или что-то в этом духе.

– Я несколько часов пытался до тебя дозвониться, – прошептал Джекс, и я с шумом втянул воздух, заметив, что и

губа у него распухла. Взгляд у него был умоляющий. — Надеюсь, что ты приедешь до того, как доктора свяжутся с *ними*.

И тогда я понял, что эта женщина — из социальной службы, и почувствовал себя последним мудаком. Он нуждался во мне сегодня, а я опять облажался.

Я стоял, заслоняя его собой, а может, это Джекс пытался спрятаться от нее за мной. Не знаю.

Ясно было лишь одно: Джекс не хотел идти с ней. Ком в моем горле вырос до таких размеров, что мне захотелось на ком-нибудь отыграться.

Тэйт.

Я всегда выбирал ее своей жертвой, но и все мои хорошие воспоминания были связаны с ней.

У меня перед глазами возникло то единственное место, куда еще не проникли ненависть и отчаяние.

Наше дерево. Мое и Тэйт.

Я подумал, а есть ли у Джекса такое место, где он может чувствовать себя в безопасности, где ему тепло и спокойно.

Сомневаюсь.

Было ли у него такое место в прошлом? Будет ли когда-нибудь?

Я мог только догадываться, какую жизнь довелось прожить моему брату. Конечно, я успел уловить ее вкус тем летом, когда мне было четырнадцать, но, в отличие от меня, Джекс терпел это дерьмо всегда. Не говоря уже о том, сколько приемных семей он сменил за последние годы. Он смот-

рел на меня так, словно я был для него центром Вселенной, а у меня не находилось ответов. Я был бессилен. Не мог его защитить.

– Это дело рук мистера Донована? – спросила женщина, обращаясь к Джексу. Она говорила о его приемном отце, Винсе.

Брат посмотрел на меня, прежде чем ответить. Он знал, что я пойму, если он соврет.

– Нет, – сказал он.

Мои мышцы буквально взорвались.

Он лжет.

Джекс солгал не для того, чтобы выгородить Винса передо мной. Он знал, что я его насквозь вижу. Перед тем, как солгать, он всегда выжидал и пристально на меня смотрел. Я сразу все понимал.

Нет, он пытался обмануть не меня. Он обманывал ее.

Мы с Джексом привыкли сами сводить счеты.

– Ладно, – отрезала дама с папкой-планшетом, и я наконец повернулся в ее сторону, – позвольте мне упростить вам задачу. Мы будем считать, что это сделал он, и сегодня переведем вас в приют, где вы останетесь до тех пор, пока мы не подберем вам другую семью.

Нет. Я закрыл глаза.

– Уроды, – выдавил я, у меня свело живот, но я пытался держать эмоции под контролем ради Джекса.

Всю свою жизнь брат спал в чужих кроватях и жил с

людьми, которым был не нужен. Наш отец таскал его с собой из одной дыры в другую и оставлял в жутких местах.

С меня хватит. Джекс и я должны быть вместе. Вместе мы сильнее. Рано или поздно те крупницы невинности, которые ему удалось сохранить, исчезнут, и его сердце зачерствеет – так сильно, что в нем едва ли сможет вырасти что-то хорошее.

Он станет таким же, как и я. Мне хотелось заорать в лицо этим людям, что я могу дать брату больше любви, чем кто-либо еще. Детям требуется не только еда и крыша над головой. Им необходимо чувствовать себя в безопасности, знать, что они кому-то нужны. Они должны кому-то доверять.

Винс не отнял все это у моего брата, прежде всего потому, что Джекс никогда на него и не рассчитывал. Но из-за Винса Джекс вынужден будет вернуться в приют. Из-за Винса я опять оказался в такой ситуации, которая напомнила мне, что я не могу помочь своему брату. Не могу защитить его.

А я, черт возьми, ненавижу это чувство.

Достав пачку смятых наличных из кармана, я притянул брата к себе и, обняв, впихнул деньги ему в руку. Не глядя на него, я развернулся и быстрым шагом вышел из комнаты.

Я не мог смотреть ему в глаза.

Но одно мне было точно известно. В долгу я не останусь. – Мы туда, куда я думаю? – Мэдок шел рядом со мной, и я даже не удивился, что он все еще здесь.

Он был мне хорошим другом и заслуживал лучшего об-

ращения.

– Тебе не обязательно идти со мной, – предупредил я.

– А ты бы пошел, будь я на твоём месте? – спросил Мэдок, и я посмотрел на него так, словно он идиот.

– Да. Я вот тоже так думаю, – кивнул он.

* * *

Полчаса спустя Мэдок подрулил к дому Донованов, и я на ходу выпрыгнул из машины. Был вечер, дом окутывал мрак, и вся улица казалась вымершей. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был низкий рокот ГТО Мэдока.

Я посмотрел на него поверх крыши машины и сказал:

– Ты должен уехать.

Он заморгал – вероятно, подумав, что плохо меня расслышал.

За минувший месяц он не раз попадал из-за меня в переделки. Дальше уже некуда. Конечно, драться было прикольно. Развлекаться с девчонками тоже. Но в пропасть Мэдок не станет прыгать, если я сам его не подтолкну.

Подойдет ли он к самому краю?

Конечно.

Посмотрит вниз?

Определенно да.

Но решающий шаг он делать не станет. Это я его всегда толкаю или позволяю ему упасть. Вот только однажды он не

сможет подняться, и виноват буду я.

– Нет, – твердо сказал он. – Никуда я не уеду.

Я слабо улыбнулся, зная, что заставить его уйти практически невозможно.

– Ты хороший друг, но я тебя на дно не потяну.

Достав телефон из кармана джинсов, я быстро набрал 911.

– Алло. – Я не сводил взгляда с Мэдока, пока говорил с полицейским. – Мунстоун-Лейн, 1248, в Уэстоне. В наш дом вломились, и нам нужна полиция. И «Скорая».

Глядя на удивленное лицо друга, я нажал на отбой.

– Полиция будет здесь примерно через восемь минут, – сказал я ему. – Поезжай разбуди мою мать. Сделай это, если хочешь помочь.

Кому-нибудь, судя по всему, моему законному опекуну, придется внести за меня залог.

Шагая по дорожке, которая вела к разноуровневому дому из красно-коричневого кирпича, я слышал звуки работающего телевизора. У ступеней я помедлил, раздраженный тем, что Мэдок еще не уехал, и озадаченный размеренным биением своего сердца.

Почему я не нервничаю? Почему не испытываю возбуждения?

Словно иду в кафе, собираясь заказать молочный коктейль.

Когда Тэйт была здесь, предвкушая новую встречу с ней, я каждый раз ощущал трепет. Этого было достаточно для того,

чтобы проживать день за днем. Мне не хотелось в этом признаваться, но я всегда о ней думал. Я жил в ожидании того, как первый раз увижу ее утром, ждал, что буду сталкиваться с ней в течение дня.

Я сощурился на яркий экран телевизора и сделал глубокий вдох.

Этот ублюдок еще не спал.

Отлично.

В те редкие моменты, когда мы с Винсом Донованом вынуждены были общаться, мы с трудом скрывали взаимную неприязнь. Он говорил со мной так, словно я был каким-то отребьем, и к моему брату относился не лучше.

Поднявшись по ступеням на крыльцо, я услышал, как Мэддок отъезжает от тротуара. Войдя в дом, я направился к гостиной и остановился в дверном проеме.

Винс даже глазом не моргнул.

– Какого черта тебе здесь надо? – пролаял он.

Ухватившись за длинную деревянную ножку торшера, я выдернул шнур из розетки и спокойно сказал:

– Ты избил моего брата. А теперь за это ответишь.

Глава 4

– Вам не нужно было меня вытаскивать. – Я пробежал языком по сладковатой на вкус ранке в углу рта.

– Я здесь ни при чем, – ответил Джеймс, отец Тэйт. – Это сделала твоя мать.

Он вел машину по тихим улочкам, направляясь к нашему району. Солнце уже выглядывало из-за деревьев, отчего красно-желтые листья сверкали огненным блеском.

Мать? Она была там?

Мэдок с Джеймсом провели в полицейском участке всю ночь, дожидаясь, пока меня освободят. Меня арестовали, приняли, и в итоге мне пришлось ночевать за решеткой.

Возьмите на заметку: вся активность в участке начинается только утром.

Но если мать внесла за меня залог, то где же она сама?

– Она дома? – спросил я.

– Нет, не дома. – Сбросив скорость, Джеймс повернул на перекрестке. – Она сейчас не в том состоянии, чтобы чем-то помочь тебе, Джаред. Думаю, ты это понимаешь. Мы с твоей матерью поговорили вчера вечером в участке, и она решила, что на какое-то время отправится в Хэйвуд.

Взгляд его голубых глаз был устремлен в лобовое стекло, в них бушевал океан мыслей, которые он никогда не выскажет вслух.

В этом смысле они с Тэйт были очень похожи. Если Джеймс повышал голос, ты понимал, что пора заткнуться и прислушаться. Он всегда говорил по делу и терпеть не мог пустую болтовню.

И сразу становилось ясно, когда Джеймс и Тэйт начинали терять терпение.

– Реабилитационный центр? – уточнил я.

– Пора, ты так не думаешь? – ответил он вопросом на вопрос.

Я опустил голову на подголовник и уставился в окно. Да, похоже, пора.

Но так или иначе в моих мыслях поселилась тревога.

Я привык к тому, как жила моя мать. Как жил я. Джеймс мог осуждать нас. Другие, возможно, жалели. Но для нас это было нормой.

Я не стану излишне сопереживать детям или взрослым, у которых сложная жизнь. Если они не знали ничего другого, то не страдают так сильно, как может показаться со стороны. Это *их* жизнь. Разумеется, непростая, но они с ней свыклись.

– И надолго? – Я все еще был несовершеннолетним и пока не понимал, как теперь все устроится, если мама уехала.

– Как минимум на месяц. – Джеймс свернул к своему дому; в утреннем свете дерево между моим окном и окном Тэйт вспыхивало искрами, как озеро в лучах солнца.

– А что будет со мной? – спросил я.

– Не все вопросы сразу, – со вздохом ответил он, и мы вы-

шли из машины. – Сегодня ты останешься у меня. Примешь душ, поешь и поспишь. Я разбужу тебя к обеду, и тогда мы поговорим.

Он вручил мне сумку с заднего сиденья, а потом мы зашагали по ступеням к входной двери.

– Твоя мама собрала тебе кое-какую одежду. Поднимайся в комнату Тэйт, приведи себя в порядок, а я сделаю тебе что-нибудь перекусить.

Я застыл. *В комнату Тэйт? Ни за что!*

– Я не буду спать в ее комнате, – насупился я, мое сердце забилось так яростно, что я не мог глотнуть воздуха. – Прилягу на диване или где-нибудь еще.

Перед тем, как отпереть входную дверь, Джеймс немного помедлил – повернув голову, он посмотрел на меня, и в его взгляде ясно читалось: не шути со мной, парень.

– У нас три спальни, Джаред. Моя, Тэйт и та, из которой мы сделали кабинет. Единственная свободная постель – у Тэйт в комнате. – Он старательно произносил слова по слогам, так, будто разговаривал с ребенком. – Там ты и будешь спать. Это не сложно. А теперь иди в душ.

Я смотрел на него несколько секунд, поджав губы и не моргая. Лихорадочно размышлял, что ему ответить.

Но слова не шли на ум.

В конечном итоге я просто вздохнул как можно громче – это все, что я мог. Из-за меня Джеймс всю ночь проторчал в полицейском участке, а кроме того, пытался помочь моей

матери.

Впервые за два с лишним года мне предстояло оказаться у Тэйт в комнате. Ну и что? Я справлюсь с этим, и, блин, если бы Тэйт узнала, что я здесь, то я бы услышал ее вопли из самой Франции.

От одной мысли об этом я улыбнулся, и кровь забурлила во мне так, словно я только что проглотил пару десятков сахарных соломинок.

Я зажмурился, упиваясь этим теплым чувством, которого мне так не хватало. Тем самым, от которого сердце начинало биться чаще, словно крича: «Ты все еще жив, сукин сын!»

Джеймс отправился в кухню, а я поплелся по лестнице в комнату Тэйт. Чем меньше оставалось идти, тем больше дрожали ноги.

Дверь оказалась открыта. Она всегда была открыта. В отличие от меня, Тэйт нечего было скрывать. Я осторожно ступил в комнату, чувствуя себя исследователем, оказавшимся на зыбкой почве. Обходя комнату по кругу, я отмечал про себя, что в ней изменилось, а что осталось прежним.

Я всегда уважал нелюбовь Тэйт к розовому цвету – если только он не шел в паре с черным. Стены были двухцветными – верхняя половина оклеена обоями в тонкую черно-белую полоску, нижняя выкрашена в красный, а между ними – белый деревянный бордюр. На кровати постельное белье темно-серого цвета с рисунком из черных листьев, обстановку дополняли несколько подсвечников, фотографий и посте-

ров на стенах.

Очень лаконично и очень в ее стиле.

Я также заметил, что в комнате нет ничего, напоминающего обо мне. Ни фотографий, ни сувениров из того времени, когда мы дружили. Почему, я знал и так. Скорее не понимал, почему это меня расстроило.

Бросив сумку на пол, я подошел к проигрывателю, который стоял здесь с незапамятных времен. Док-станция под айпод у Тэйт тоже имелась, но самого айпода не было. Наверное, забрала с собой во Францию.

Какое-то извращенное любопытство точило меня изнутри, поэтому я щелкнул кнопкой и выбрал режим проигрывания дисков. Радио Тэйт не слушала – считала, что большинство треков, которые попадают в эфир, – полный отстой.

Включилась песня *Dearest Helpless* группы *Silverchair*, и моя грудь затряслась от беззвучного смеха. Попятившись к кровати, я лег и погрузился в звуки мелодии.

– Не понимаю, как ты можешь слушать всю эту альтернативную чушь, Тэйт.

Я сижу на кровати, нахмурившись и все равно не в силах сдержать улыбку, которая так и просится наружу. Отчитываю ее, а сам больше всего на свете хочу видеть ее счастливой.

А она чертовски мила сейчас.

– Это не чушь! – утверждает Тэйт, округляя глаза. – Это единственный из всех моих альбомов, в котором все пес-

ни одинаково хороши.

Я отклоняюсь назад, опираясь на руки, и со вздохом говорю:

– Занудство какое. – А она вытягивает губки, делая вид, будто играет на гитаре.

Я смотрю на нее – а я мог бы смотреть на нее каждую минуту, каждый день, – и понимаю, что все мои слова – пустой звук. Ради нее я бы высидел миллион концертов Silverchair.

Между нами что-то поменялось. Или это только с моей стороны, не знаю. Надеюсь, что для нее тоже.

Наши отношения всегда были дружескими и непринужденными, но теперь все иначе. Последнее время, когда я вижу Тэйт, мне, черт возьми, хочется схватить ее и поцеловать. Мне кажется, будто со мной что-то не так. Моя кровь закипает, когда я вижу ее в крошечных джинсовых шортиках, как те, что на ней сейчас. Даже ее мешковатая черная футболка с логотипом Nine Inch Nails заводит меня.

Потому что это моя футболка.

Тэйт попросила ее однажды и так и не вернула. Или, может, я сам разрешил ей оставить футболку себе. Как-то я заметил, что она спит в ней ночью, и после этого мне захотелось ее забирать. Когда я думаю, что она спит в моей футболке, у меня возникает чувство, как будто Тэйт тоже моя. Мне нравится, что я так близок к ней, даже когда меня рядом нет.

– Ууу, обожаю этот момент! – визжит она, когда начинается припев, и еще сильнее ударяет по струнам воображаемой гитары.

От одного вида того, как она немного покачивает бедрами или морищит нос, мне становится тесно в штанах. Что за черт? Нам всего по четырнадцать. У меня не должно быть таких мыслей, но, блин, я ничего не могу с собой поделать.

То есть, черт, вчера я даже не мог смотреть, как она делает задания по математике, потому что задумчивое выражение на ее лице было настолько прелестно, что я чуть не усадил ее к себе на колени. Не иметь возможности прикоснуться к ней – паршиво.

– Ну, все, я больше не могу это терпеть! – выпаливаю я и встаю с кровати, чтобы выключить музыку. Что угодно, лишь бы отвлечься от назревающего стояка.

– Нет! – вопит она, но я слышу в ее голосе смех, когда она хватается меня за руки.

Я выкручиваюсь и легко тыкаю пальцем ей в бок, потому что знаю, как Тэйт боится щекотки. Она уворачивается, но теперь, прикоснувшись к ней, я не могу остановиться. Мы по очереди отпихиваем друг друга в сторону, пытаясь добраться до проигрывателя.

– Хорошо, я выключу! – кричит Тэйт в приступе смеха, когда мои пальцы щекочут ее живот. – Только прекрати! – хохочет она, падая прямо на меня, и я зажмуриваюсь, на

мгновение задержав руки на ее бедрах, уткнувшись носом в ее волосы.

То, чего я от нее хочу, пугает меня. И, боюсь, ее это тоже напугает. А ее отца и подавно.

Но я подожду, потому что у меня нет выбора. До конца жизни мне не нужен будет никто другой.

Пора собраться с духом и признаться ей.

– Прогуляемся на пруд вечером? – предлагаю я мягче, чем хотел бы. – Мой голос надламывается, я не знаю, нервничаю я или боюсь. Вероятно, и то, и другое.

Наш рыбный пруд – вот где это должно произойти. Именно там я хочу признаться ей в любви. Мы часто ходим туда. Устраиваем пикники или просто гуляем. Мы не раз сбегали из дома вечером и гоняли на великах на пруд.

Тэйт отстраняется и сдержанно улыбается.

– Не могу. Сегодня не могу.

Мои плечи опускаются, но, сделав над собой усилие, я спрашиваю:

– Почему?

Она не смотрит на меня. Заправляет волосы за уши и, отойдя к кровати, садится.

Страх врывается в мой мозг как огромный тучный носорог. Она собирается сказать мне что-то такое, что мне не понравится.

– Я пойду в кино, – выдает она с натянутой улыбкой. – С Уиллом Гири.

Я судорожно сглатываю. Сердце бьется так сильно, что едва не выламывает мне ребра. Уилл Гири учится в нашем классе, и я его ненавижу. Он уже год ошивается вокруг Тэйт. Их отцы играют вместе в гольф, и это та часть ее жизни, в которой мне нет места.

У Гири нет передо мной никаких преимуществ. У них не больше денег и дом не лучше. Но семья Гири связана с семьей Тэйт, а наши родители... ну, они ни с чем не связаны. Папа Тэйт пару раз пытался взять меня поиграть в гольф, но это как-то не прижилось. Ремонт машин – вот то, что нас объединяет.

Я прищуриваюсь, пытаюсь обуздать гнев.

– Когда он тебя пригласил?

Тэйт смотрит мне в глаза не дольше секунды. Я вижу, что ей не по себе.

– Вчера, когда наши папы играли в гольф.

– О, – говорю я почти шепотом, мое лицо горит огнем. – И ты согласилась?

Она прикусывает губы и кивает.

Разумеется, согласилась. Я чертовски долго тянул, и другой парень воспользовался этим.

Но мне все равно больно.

Если бы она хотела быть со мной, она бы ему отказала. Но Тэйт согласилась.

Я тоже киваю.

– Круто. Желая хорошо провести время. – Безразличие в

моем голосе наверняка кажется слишком наигранным.

Я делаю шаг в сторону двери.

– Слушай, мне пора. Я забыл, что у Мэдмэна кончилась еда. Схожу в магазин.

Она моя. Я знаю, она любит меня. Почему я не могу просто повернуться и сказать ей? Все, что мне нужно произвести, – это «не ходи», и тогда самое сложное останется позади.

– Джаред? – окликает меня Тэйт, и я останавливаюсь. Воздух в комнате кажется таким спертым, что трудно дышать.

– Ты мой лучший друг. – Она делает паузу, а потом продолжает: – Но, возможно, по какой-то причине... ты не хочешь, чтобы я пошла с Уиллом сегодня?

Она произносит это дрожащим, неуверенным голосом, как будто боится собственных слов. Вопрос повисает в комнате, как невыполненное обещание. Это один из тех моментов, когда ты можешь получить все, что захочешь, если у тебя хватит смелости попросить. Секунда – и все изменится, но ты засовываешь голову в песок, потому что слишком боишься получить отказ.

– Конечно, нет. – Я поворачиваюсь к ней с улыбкой. – Иди. Развлекись как следует. Увидимся завтра.

Тем вечером я увидел, как Уилл ее поцеловал, а на следующий день позвонил отец и спросил, не хочу ли я приехать

к нему на лето.

Я сказал «да».

Глава 5

– Ешь. – Как только я уселся на высокий стул, Джеймс поставил передо мной тарелку с мясным рулетом и картошкой.

Я уснул на кровати Тэйт, слушая *Silverchair*, и проснулся только в два часа дня, когда в дверь постучал ее папа.

Приняв душ и переодевшись, я спустился в кухню, где запах был даже лучше, чем аромат шампуня Тэйт.

Я сел у островка в центре кухни и набросился на еду так, словно сто лет не ел домашних блюд. Впрочем, так оно и было. До того лета, проведенного у отца, моя мать-алкоголичка не особенно окружала меня заботой. А после я бы сам не позволил ей, даже если бы она попыталась.

– Разве вам не надо на работу? – спросил я Джеймса, запивая еду, чтобы она поскорее провалилась в желудок.

Была пятница, и я опять пропустил школу. Вчера я тоже прогулял занятия – вместо этого мы с Мэдоком пошли набивать татуировки.

Казалось, будто все это случилось очень давно.

– Я взял отгул, – сказал он.

Из-за меня.

– Мне жаль. – И мне действительно было жаль. Мистер Брандт хороший парень, он не заслуживает всех этих проблем.

Прислонившись к столешнице напротив островка,

Джеймс скрестил руки на груди, и я понял, что грядет разговор. Уставившись в свою тарелку, я внутренне приготовился к этому. Когда имеешь дело с мистером Брандтом, лучше всего закрыть рот и слушать.

– Джаред, твоей мамы не будет как минимум месяц. Пока она не вернется, ты поживешь здесь.

– Я могу жить у себя дома. – Попытаться все же стоило.

– Тебе шестнадцать. Это противозаконно.

– Семнадцать, – поправил я.

– Что?

– Сегодня мне исполнилось семнадцать. – На календаре было второе октября. Я и не вспоминал об этом, пока утром в участке не увидел дату на своих бумагах.

Однако эта информация не сбила Джеймса с мысли.

– Я говорил с одним знакомым судьей. Мы нашли средство, если можно так выразиться, сделать так, чтобы вчерашний инцидент не занесли в твое личное дело.

Вчерашний инцидент? Интересная подача.

– Я избил Винса до полусмерти, – язвительно заметил я. Каким, блин, образом они собирались сделать так, чтобы это забылось?

Русые брови Джеймса сошлись на переносице.

– Если так, то почему ты еще не спросил, как он сейчас?

Я избил его до полусмерти.

Да, даже сказав это вслух, я ничего не почувствовал. А если бы он умер, мне тоже было бы все равно?

Джеймс продолжал:

– На случай, если тебе интересно, Винс в порядке. Не в лучшем виде, но выживет. Пара сломанных ребер, небольшое внутреннее кровотечение, из-за которого его прооперировали ночью, но он поправится.

Значит, какое-то время полежит в больнице. Я был рад, что не слишком сильно его покалечил. По правде говоря, события вчерашнего вечера вращались у меня в голове, как вода, спускающаяся в слив. Чем быстрее они двигались, тем меньше я успевал уловить. О самой драке я мало что мог вспомнить. Помню, как ударил Винса лампой и несколько раз пнул в живот. Он швырял в меня какое-то дерьмо, но в конечном итоге оказался на лопатках.

А потом нарисовался этот говнюк коп, который упер мне колено в спину, схватил за волосы и надел наручники, обзывая всеми возможными словами.

И зачем я позвонил копам? Я по-прежнему не понимал.

– В общем, судья хочет, чтобы ты ходил на консультации к психологу. – Мне не нужно было поднимать глаз на Джеймса, чтобы понять, что он бросил на меня предостерегающий взгляд. – Тогда вчерашний эпизод не будет фигурировать в твоём деле.

– Ни за что. – Я покачал головой, рассмеявшись, словно это была шутка.

Психолог? Да люди и без того меня раздражали. А те, кто лез в мои дела, просто злили.

– Я предупредил его, что тыотреагируешь именно так. – Джеймс наклонил голову и вздохнул. – Джаред, тебе пора научиться отвечать за свои поступки. Ты поступил неправильно, но мир тебе ничего не должен. Я не собираюсь сюсюкать с тобой только потому, что ты из неблагополучной семьи и думаешь, что это дает тебе право вести себя паршиво. Я придерживаюсь такого принципа: «Облажался, признал, поднялся». Совершил ошибку – признай ее и двигайся дальше. Мы все ошибаемся, но настоящий мужчина решает свои проблемы. А не усугубляет их.

Лучше бы я ел молча.

– Ты облажался? – спросил он, с вызовом в каждом слове. Я кивнул.

Поступил бы я так снова? Да. Но он не задал мне такого вопроса.

– Хорошо, – он хлопнул ладонью по столешнице. – Теперь надо подниматься. Твоя посещаемость и отметки – хуже некуда. Ты явно не планировал, чем займешься после окончания школы, – во всяком случае, мне так кажется, – и вряд ли способен принимать ответственные решения. Есть одно очень хорошее место для тех, кому необходима дисциплина и не особенно нужна свобода.

– Тюрьма? – уточнил я с нескрываемым сарказмом.

И, к моему удивлению, он улыбнулся так, будто вытащил козырь.

Черт.

– Уэст-Пойнт, – сказал он.

– Да, точно, – насупился я, покачав головой. – Детки сенаторов и «скауты-орлы»⁵? Это не для меня.

О чем он думает? Уэст-Пойнт – военная академия. Туда поступают лучшие из лучших. Они годами шлифуют свои школьные резюме, чтобы их приняли. Я никогда не попаду в Уэст-Пойнт, даже если захочу этого.

– Это не для тебя? – переспросил он. – Серьезно? Не думал, что тебя беспокоит, вступишь ли ты. Ведь это всем остальным нужно под тебя подстраиваться, верно?

Твою ж ма... Я сделал глубокий вдох и отвернулся. Этот парень знал, как меня заткнуть.

– Тебе нужны цель и план, Джаред. – Мистер Брандт облокотился на кухонный островок прямо передо мной, чтобы я не смог от него отвернуться. – Я не сумею внушить тебе надежду на будущее или стремления, если у тебя их нет. Все, что я могу, – это подтолкнуть тебя в каком-то направлении и обеспечить тебя занятиями. Ты исправишь свои оценки, будешь посещать все уроки, найдешь работу и... – тут он помедлил, – будешь раз в неделю навещать своего отца.

– Что?!

А это что еще за чертовщина?

– Ну, я уже предупредил судью Кейсера о том, что на кон-

⁵ «Скаут-орел» – наивысшее достижение в скаутском движении США (основано в 1911 г.). Этой награды были удостоены 38-й Президент США Генри Форд, режиссер и продюсер Стивен Спилберг, астронавт Нил Армстронг и многие другие – всего более двух миллионов человек.

сультации с психологом ты вряд ли согласишься, поэтому остается только такой вариант. Тебе придется навещать его раз в неделю в течение года...

– Это что, шутка такая? – перебил его я, и мои мышцы напряглись так сильно, что я вспотел. Черт, совершенно исключено! – Ни за ч...

– Это относится к той части, где я говорил про «подниматься», Джаред! – закричал Джеймс, не дав мне договорить. – Если ты не согласишься ни на один из вариантов, тогда отправишься прямиком в колонию для несовершеннолетних... или в тюрьму. Ты не первый раз попадаешь в неприятности. Судья хочет, чтобы ты понял, чем рискуешь. Хочет, чтобы ты по субботам ездил в тюрьму и все сам увидел – не то, из-за чего твой отец там оказался, а то, что сделало с ним пребывание там. – Он покачал головой. – В тюрьме с человеком могут произойти две вещи, Джаред. Она или делает слабее, или убивает, и ни то, ни другое не есть хорошо.

У меня в глазах защипало.

– Но...

– Ты ничем не сможешь помочь своему брату, если тебя посадят.

И с этими словами он вышел из кухни, а потом из дома, поставив точку в нашем разговоре.

Какого хрена сейчас произошло?

Я ухватился за край серой мраморной столешницы. Мне хотелось выломать ее, а заодно порвать в клочья весь мир.

Твою мать.

Я с трудом сделал вдох, ребра заболели от натуги.

Я не мог навещать этого мудака каждую неделю! Это невозможно!

Значит, мне нужно рассказать обо всем мистеру Брандту. Обо всем.

Должно же быть какое-то другое решение.

Оттолкнувшись от столешницы и вскочив с места, я взбежал по лестнице в комнату Тэйт, выбрался на балкон и перелез по дереву в собственную спальню.

Пошел он. Пошли они все.

Я включил на айпode трек *I Don't Care* группы *Apocalyptica* и, упав на свою кровать, лежал и дышал, пока дыра внутри не перестала саднить.

Боже, я скучал по ней.

Реальность была мне противна, но я не мог ничего с этим поделать. Когда я фокусировался на ненависти к Тэйт, мой мир сужался. Я не видел остальное дерьмо: мою мать, отца, брата на патронажном воспитании. Если бы Тэйт была здесь, я не превратился бы в эту проклятую развалину, страдающую от приступов удушья и нервных срывов.

Чертовски глупо, знаю. Словно она обязана быть рядом только для того, чтобы я мог ее провоцировать.

Но я нуждался в ней. Мне нужно было видеть ее.

Я протянул руку к прикроватной тумбочке и открыл ящик, где хранил наши детские фотографии, но тут же за-

двинул его обратно. Нет. Не стану на них смотреть. Хватит и того, что я вообще их сохранил. Выбросить или порвать их я не мог. Ее власть надо мной была абсолютной.

И, мать твою, я сдался.

Хорошо.

Пусть думают, что я согласился на их игру. Брат для меня важнее всего, и мистер Брандт здесь прав. Я вряд ли смогу помочь Джексу, если окажусь в тюрьме.

Но я не пойду ни к какому долбаному психологу.

Я резко выдохнул и сел.

Значит, остается эта мразь, отец.

Я натянул темные потертые джинсы, белую футболку и уложил волосы гелем – возможно, впервые за эту неделю.

Спустившись по лестнице и выйдя из дома, я нашел отца Тэйт в его гараже. Он вытаскивал вещи из своей старой «Шеви Нова». Мы с Тэйт когда-то помогали ему ремонтировать эту машину, но она всегда была на ходу.

Похоже, он освобождал багажник и салон машины от личных вещей.

– Мне нужно заменить свечи зажигания, – сказал я ему. – А потом я съезжу в автомастерскую Фэрфакса по поводу работы. На обратном пути захвачу из дома одежду и буду у вас к ужину.

– К шести, – уточнил Джеймс, улыбнувшись мне одними уголками губ.

Я надел очки и направился было к выходу, но, остановив-

шись, снова повернулся к нему.

– Вы же не собираетесь рассказывать Тэйт обо всем этом? Об аресте, о моей семье, о том, что я буду жить у вас?

Он посмотрел на меня так, словно я сообщил ему, что брокколи фиолетового цвета.

– Зачем?

Уже хорошо.

Глава 6

Меньше чем через сутки я стоял перед еще одним копом, который прохлопывал меня сверху вниз, только на этот раз я ничего не натворил.

Знакомый судья мистера Брандта сказал, что я могу начать ездить в тюрьму через несколько недель. Они сначала хотели получить согласие моей матери. Но ждать было не в моих интересах. Чем раньше начну, тем скорее покончу с этим.

– Теперь иди в эти двери, там увидишь шкафчики, где можно оставить ключи и телефон. Цепочку от бумажника, парень, тоже оставь.

Я посмотрел на этого тюремщика с замашками нациста. Мой взгляд ясно говорил ему, что он может засунуть свои приказы себе в задницу. Он был лысый, с бледной кожей, которой будто никогда не касались лучи солнца, и жирный. Настолько жирный, что десяток пончиков в день для него, наверное, были нормой. Я хотел, чтобы все мое барахло осталось при мне, потому как с полной уверенностью полагал, что, как только увижу этого больного ублюдка, моего отца, развернусь и уйду.

Моего отца. При этой мысли меня замутило.

– Как это будет? – неохотно спросил я. – Он будет типа в клетке, и мы будем говорить через отверстия для воздуха,

или там есть телефоны?

Вообще-то задавать вопросы было не в моем стиле. Обычно я либо до всего сам доходил, либо держал рот на замке и решал проблемы по мере поступления. Но при мысли о том, что снова увижу этого мерзавца, я ощущал сковавшее меня напряжение. Я хотел точно знать, во что ввязываюсь. Даже если этому копу я покажусь беспомощным мальцом – чепуха, главное, чтобы я мог с достоинством войти туда на глазах у отца.

– Клетки с отверстиями для воздуха? – с издевкой в голосе переспросил нацист со значком. – Недавно пересмотрел «Побег»?⁶

Козел.

У охранника был такой вид, словно он из всех сил пытался не заржать. Мужчина открыл передо мной двойные двери.

– Томас Трент сидит не за убийство и не за изнасилование. Никаких дополнительных мер без опасности не нужно, малыш.

Нет, конечно, что ты. Он же не опасен. Совсем нет.

– Джаред, – поправил я его ровным тоном. – А не «малыш».

Вздернув подбородок, я со спокойным видом прошел через двери.

Комната для свиданий – если это место вообще так называлось – чем-то напомнила школьную столовую. Столы,

⁶ *Prison Break* (англ.) – телесериал (США, 2005–2009).

скамейки, автоматы со снеками у стен, окна на южной стене пропускали достаточно, но не слишком много света.

Была суббота, и в помещении толпился народ. Женщины держали на руках малышей, а мужья, бойфренды и другие посетители улыбались и болтали. Матери обнимали сыновей, а дети стеснялись отцов, которых не помнили.

Счастье среди кошмара.

Я обвел комнату взглядом, не зная, здесь ли уже мой отец, или я должен сесть и подождать, пока объявят о его появлении. Я старался просканировать помещение как можно быстрее. Мне не хотелось, чтобы он заметил меня прежде, чем я его. Во рту у меня пересохло, биение сердца отдавалось в ушах, но я заставил себя сбавить обороты и сделать то, что делал всегда.

Я наблюдал и старался выглядеть спокойным и уверенным, как будто я хозяин этого места.

– Джаред, – донеслось до меня, и я оцепенел.

Это было сказано тем самым грубым голосом, который продолжал слышаться мне в кошмарных снах. Он всегда звучал одинаково.

Терпеливо.

Голос змеи, которая подкрадывается к своей жертве.

Я медленно повернулся в ту сторону, откуда слышался этот голос, и мой взгляд остановился на мужчине лет сорока с лазурно-голубыми глазами и светлыми волосами, которые завивались за ушами.

Отец сидел, положив руки на стол и сцепив пальцы, на нем была белая футболка, а поверх нее – рубашка цвета хаки. Вероятно, штаны у него были в тон рубашке, но мне было все равно.

Я не мог отвести взгляда от его лица. В нем ничего не изменилось. Не считая того, что сейчас он был начисто выбрит и мог похвастаться более здоровым цветом кожи – вероятно, от того, что больше не употреблял спиртного, – отец выглядел так же, как раньше. В волосах не добавилось седины, и он явно похудел. Да и вряд ли в тюрьме есть возможность разжиреть.

Но от того, как он на меня смотрел, у меня вспотели ладони. Увы, этот взгляд тоже не поменялся. Холодный и отстраненный, с примесью чего-то еще, едва уловимого. Удовольствия, возможно.

Словно он знал нечто, о чем знать не должен был.

Он все знал, напомнил я себе.

И внезапно я снова перенесся в его кухню и оказался на полу со связанными веревкой запястьями, парализованный отчаянием.

Засунув руку в карман, я вытащил то единственное, что могло мне помочь. Кулон Тэйт.

Я сжал его в кулаке, сразу почувствовав себя немного сильнее.

Этот кулон Тэйт сделала для своей матери, но, когда оставила украшение у нее на могиле, я забрал его. Сначала я го-

ворил себе, что поступил так, чтобы ее подарок не пропал, не был украден. Чтобы сберечь его. Затем кулон стал еще одной частичкой Тэйт, на которую я мог заявить права.

Теперь же он был для меня чем-то сродни талисману. И уже не я хранил его, а он – меня.

Для полноты образа прищурившись, я прошествовал к отцу – не слишком медленно, чтобы не показаться робким, но и не быстро, будто подчиняясь. Я шел в своем обычном темпе, потому что он больше не имел надо мной власти.

Я еще не успел сесть, как отец спросил:

– Что ты натворил?

Я помедлил мгновение, прежде чем опуститься на стул.

О, да. Он будет со мной говорить. Я и забыл об этой детали.

Однако я не обязан был ему отвечать.

Я еще не продумал, как именно буду вести себя во время этих встреч, но он мог идти к черту. В течение года мне предстояло нанести ему пятьдесят два коротких визита, и в какой-то момент я, возможно, решу заговорить с ним, но не раньше, чем буду совершенно готов.

– Да брось, – продолжал он язвительно. – Так хоть время скоротаешь.

Где-то в уголке своего сознания я допускал мысль, что, вне воздействия наркотиков и алкоголя мой отец будет – ну, не знаю – вести себя так, словно у него есть сердце. Но он остался мудаком.

– Ты что-то украл? – снова спросил отец, а за тем, постукивая пальцами по металлическому столу, принялся рассуждать, будто говоря с самим собой: – Нет, ты не жадный. Может, нападение? – Он покачал головой. – Но тебе никогда не нравилось вступать в драки, в которых ты можешь проиграть. Выбираешь тех, кто слабее тебя. В этом смысле ты всегда был трусишкой.

Я сжал свободную руку в кулак и сконцентрировался на дыхании.

Сидя перед ним, вынужденный внимать его размышлениям, которыми отец так великодушно со мной делился, я гадал, откуда он взял все это дерьмо – случайно попал в точку или действительно был настолько проницателен.

Жадный ли я? Нет, мне так не казалось. Выбираю ли более слабых противников? Мне понадобилась минута, чтобы это осмыслить, но да, так и было.

Но только потому, что *все* были слабее меня.

Все.

– Итак, похоже, дело в наркотиках. – Его рука резко со стуком опустилась на стол, и я вздрогнул и машинально опустил глаза, избегая его взгляда. – В такое я могу поверить. С такими родителями это у тебя в крови.

Все, напомнил я себе и произнес вслух тихим и ровным голосом:

– Ты меня не знаешь.

– Да, продолжай убеждать себя в этом.

Нет. Он бросил меня – и слава богу, – когда мне было два года. Однажды летом он провел со мной несколько недель.

Он не мог меня знать.

Сжимая в руке кулон Тэйт, я пристально посмотрел на него. Пора было заткнуть ему рот.

– Какой у тебя срок? Еще шесть лет мотать? – небрежно спросил я. – Каково это – знать, что станешь совсем седым, прежде чем сможешь с кем-то переспать? Или сесть за руль? Или лечь позже одиннадцати в будний день? – Я поднял брови, надеясь, что мои снисходительные вопросы поставят его на место. – Ты меня не знаешь и никогда не знал.

Он моргнул, и я удержал его взгляд, провоцируя еще что-нибудь сказать. Он изучал меня, и у меня возникло такое чувство, словно на меня смотрят через оптический прицел винтовки.

– Что это? – Отец жестом показал на кулон.

Я бросил взгляд на свою руку – бессознательно я пропустил пальцы через светло-зеленую ленточку. Теперь было видно, что я сжимаю что-то в кулаке, и ни с того ни сего мое сердце бешено заколотилось.

Мне лучше уйти.

Я ощутил тошноту от того, что мысли о Тэйт сейчас соседствовали в моей голове с мыслями об отце. И от того, что он увидел принадлежавшую ей вещь.

Помните, как фокусники внезапно достают из рукава цветы? В тот момент мне хотелось превратиться в эти цветы и

стать невидимым. Я бы с удовольствием провалился сквозь стул, подальше от его грязных глаз, и забрал кулон с собой, туда, где он будет в безопасности.

– Как ее зовут? – Отец произнес это тихо, почти шепотом, и я невольно съежился.

Снова подняв глаза, я увидел, что он улыбается так, будто все знает.

Будто я снова был в его власти.

– Шесть лет, да? – Он облизнул губы. – Ей будет двадцать с небольшим. – Отец кивнул, и у меня перед глазами все поблуровало – я уловил его намек.

Сукин. Сын.

Я ударил кулаком по столу – вокруг тут же послышались удивленные возгласы, оттолкнул свой стул и, вскочив, принялся сверлить его взглядом.

Не знаю, что было в этом взгляде, но глаза адски жгло.

Я желал ему смерти. И мучительной.

Мои ноздри заполнял раскаленный воздух, а дыхание напоминало отдаленный шум водопада.

– Что у тебя внутри? – прорычал я. – Там все сломалось, умерло или просто зачерствело?

Мой отец поднял на меня глаза. Он не был напуган – в конце концов, я не представлял для него угрозы. Его ответ прозвучал с удивительной искренностью:

– А ты разве не знаешь, Джаред? Ты такой же. И такими будут твои никчемные детишки. Мы никому не нужны. И ты

мне был не нужен.

* * *

– У меня есть для тебя подарок по случаю дня рождения, – произнес отец Тэйт.

Он стоял у моего дома, засунув руки в карманы.

Я вышел из машины и покачал головой, по-прежнему ощущая чертовскую тяжесть после встречи со своим отцом. Я только что вернулся из тюрьмы, гнал всю дорогу до дома, и мне нужно было отвлечься.

– Не сейчас, – бросил я.

– Именно сейчас, – парировал он и, развернувшись, направился к своему дому, полагая, что я пойду за ним.

Что я и сделал. Лишь бы он перестал действовать мне на нервы.

Я притащился за ним в его гараж на две машины и тут же застыл на месте при виде картины, которая открылась моим глазам.

– Какого черта тут произошло?! – воскликнул я, потрясенный.

Полностью отреставрированная «Шеви Нова», которая стояла в гараже с тех пор, как Тэйт и мистер Брандт сюда переехали, была раскурочена под списание. Ну, не совсем под списание. Но в хлам. Она выглядела так, словно Кинг Конг и Годзилла поиграли ей в бейсбол. Стекла разбиты, покрышки

порезаны, и это еще фигня. На дверях и капоте были вмятины размером с баскетбольный мяч, а кожаная обивка сидений распорота.

– С днем рождения, – сказал мистер Брандт.

Я резко повернулся к нему, нахмурившись и ничего не понимая.

– С днем рождения? Вы что, шутите? Эта машина вчера еще была в отличном состоянии. Вы превратили ее в грудку хлама, и теперь я могу забрать ее себе?

Мне-то машина в любом случае была не нужна. Джекс заберет мою, как только ему исполнится шестнадцать и он получит права, а я со дня на день собирался купить себе новую – на часть денег с продажи дедушкиного дома.

– Нет, ты не можешь забрать ее себе. Ты можешь ее отремонтировать.

Надо же, вот спасибо.

– Я подумал, что после сегодняшних событий тебе может потребоваться восстанавливающая терапия, поэтому решил достать кувалду и организовать тебе проект.

Почему у меня складывалось такое впечатление, что все взрослые, которые присутствовали в моей жизни, подсади на травку?

Джеймс подошел ко мне, встал перед машиной.

– Все это дерьмо, которое ты чувствуешь, Джаред... разочарование, гнев, поражение, что бы это ни было... – Он умолк, а затем продолжил: – В конечном счете все эти чув-

ства найдут выход, и однажды тебе придется с ними разобраться. А пока просто не сиди без дела. Это тебя не исцелит, но поможет успокоиться.

Медленно обходя вокруг раскуроченной машины, оценивая ущерб и уже прикидывая мысленно, какие мне понадобятся материалы, я подумал, что в этом есть смысл. Я по-прежнему чувствовал себя не лучше, чем месяц назад, и не имел ни малейшего представления, как относиться к тому, что сказал сегодня мой отец. Пожалуй, сейчас мне стало еще хуже, и я не хотел больше ни о чем думать.

Но я был нужен Джексу и не мог его подвести.

Не сиди без дела.

– На ремонт уйдет не один месяц. – Оперевшись на капот, я взглянул на отца Тейт.

Он улыбнулся, а потом развернулся и пошел в дом, бросив на ходу:

– На это я и рассчитывал.

* * *

Итак, я окунулся во все это.

С головой.

День за днем, месяц за месяцем я существовал благодаря этой рутине. Я погрузился в деятельность и шум, чтобы не оставалось времени думать. Чтобы не приходилось ни о чем беспокоиться.

Я жил в комнате Тэйт. Спал на полу.

Моя мама бросила пить. Потом завела себе бойфренда.

Я сделал еще одну татуировку. Мэдок – пирсинг... чего-то.

Я ходил в школу, и мои оценки стали лучше.

Мы с Джеймсом съездили на экскурсию в Уэст-Пойнт. Нет, это не для меня.

Мой отец продолжал лезть ко мне в голову. Иногда я уходил. Иногда нет. Иногда мы играли в карты – все лучше, чем слушать этого ублюдка.

Я все еще просыпался от кошмаров, но таблетки помогали.

Я купил «Босс 302». Благодаря этому мне было чем заняться.

Развлекался с девчонками. Не с блондинками.

Мы с Мэдоком начали гоняться на Петле. Это тоже помогало не сидеть без дела.

Джекс попал в приличную семью. Я встречался с ним по воскресеньям.

Я часто устраивал вечеринки у себя дома. Больше шума.

Мистера Брандта отправили работать в Германию. Тэйт домой пока не собиралась.

В кафе «У Денни» из меню пропала яичница. Отлично. Хреново. Плевать.

Все проходило мимо меня, потому что ничто меня не трогало.

До тех пор, пока одиннадцать месяцев спустя, жарким августовским вечером, девчонка с глазами цвета неба перед дождем и солнечными волосами снова не вдохнула в меня жизнь и огонь.

Глава 7

– Пайпер, давай же! – крикнул я в сторону озера. – Гроза надвигается. Пора ехать.

– Не уезжай, – раздался голос Мэдока за моей спиной. – Давай лучше ко мне домой. Продолжим вечеринку там. – Он расстелил покрывало на каменистом берегу и лежал на нем рядом с какой-то девчонкой, имени которой, вероятнее всего, даже не знал. А в отдалении из моей машины доносились звуки песни *Love-Hate-Sex-Pain* группы *Godsmack*.

Когда сегодня днем мы приехали на озеро Суонси поплавать и отдохнуть, нас было шестеро, но довольно быстро компания разрослась человек до двадцати пяти и даже больше. Утром мне надо было на работу в автомастерскую, и я воспользовался этим предлогом для того, чтобы смыться.

По правде говоря, мне просто было отчаянно скучно. Я больше не пил на людях. Не ходил на вечеринки. Не вырубался в чужих домах. И раз я не надирался, меня ничего не радовало. Да я вообще больше не задумывался о том, что меня радует, а что нет. Теперь меня интересовало только то, что позволяло скоротать время.

– О, детка, – простонал Мэдок, обращаясь к девчонке. – «Сникерс» – не единственное, что бывает размера кинг-сайз.

Я улыбнулся. Хотел бы я оказаться в его шкуре. Каждый день был для него как день рождения, и вот ему снова пять

лет, и он прыгает в бассейн с шариками в детской пиццерии *Chuck E. Cheese*. Мне даже не нужно было поворачиваться, чтобы понять: эти слова произвели эффект. Девчонка захихикала, а я был готов к своим собственным подвигам.

– Ты же не сразу повезешь меня домой, правда? – Моя нынешняя игрушка, Пайпер, вышла из воды. Она выжимала свои длинные темные волосы, и брызги летели во все стороны.

Да, я козел. Она не игрушка, знаю. И другие тоже. Но у меня с машиной были более серьезные отношения, чем с кем-либо из них, поэтому получалось, что все они – просто мимолетное развлечение.

Пайпер перешла в выпускной класс школы, как и мы, и прежде я не раз ее видел, но она никогда не вызывала у меня интереса. Она была прилипчивой и все время выделялась. Пайпер знала, что она красивая, и думала, что этого вполне достаточно.

Да я ее просто терпеть не мог. До тех самых пор, пока... на празднике по случаю Дня независимости не узнал, что ее отец – тот самый гад, который арестовал меня в прошлом году. Тот мерзкий коп, который пихнул меня коленом в спину и прижал лицом к полу, надевая наручники.

О да, вот тогда у меня возникло желание поиграть с ней.

– А ты как думаешь? – спросил я, но это не было вопросом. У Пайпер была роскошная фигура, и мне нравилось, что она с готовностью реагировала на любое мое предложение.

И пока не слишком много болтала, мы могли поразвлечься.

– Эй, ты знаешь, какой сегодня день? – заплетающимся языком весело проговорил Мэдок, отвлекая меня от воспоминаний. – Ровно год назад та девчонка, Тэйт, сломала мне нос на вечеринке. О, как она тогда взбесилась.

Я напрягся, но продолжил ни на кого не глядя натягивать футболку.

– Джаред, она разве не должна уже вернуться? То есть, она же вроде как на год уезжала? – уточнил Мэдок, как будто я был тупым. – Так вот год прошел.

– Заткнись, идиот. – Закатив глаза, я наклонился, чтобы подобрать с земли свои мокрые шорты. Перед тем, как вытащить Пайпер из воды, я уже зашел за деревья и натянул джинсы.

– О чем он говорит? – Пайпер стояла передо мной, но я даже не смотрел на нее.

– О Тэйт. Соседке Джареда, – отозвался Мэдок. – Она учится в нашей школе, но в прошлом году уехала, – объяснил он, а потом повернулся ко мне. – Ну, и где же она? Я скучаю по этой девчонке.

Он сел, а я уткнулся в свой телефон, но чувствовал, что приятель за мной наблюдает.

Идиот. Говнюк. Чертов друг.

Я покачал головой.

– Ее отец сейчас в командировке в Германии, ясно? Он получил там работу на семь месяцев и не вернется домой до

декабря. Сказал, что она начнет учебный год там. Доволен, тупица-который-езде-сует-свой-нос?

Компания мистера Брандта весной отправила его в Германию, поэтому с мая я приглядывал за их домом и забирал почту.

Мэдок посмотрел на меня таким взглядом, словно я только что запретил ему съесть мороженое на десерт.

– Облом, приятель. Хотя она, наверное, обрадовалась. Она нас терпеть не может.

И тут я ощутил смутное удовлетворение. *Это точно.*

Тем вечером, когда мистер Брандт рассказал мне о своей командировке, я устроил у себя дома очередную вечеринку. Вместо того чтобы напиться где-то еще, я мог запросто надраться, никуда не уезжая. И это помогало.

Я ждал, что Тэйт вернется из Франции в июне, как только закончится учебный год, но, когда узнал, что ее не будет до декабря, у меня возникло желание впечатать кого-нибудь в стену.

Мне нравилось ненавидеть ее, и я хотел, чтобы она вернулась в свой проклятый дом.

Но я просто проглотил эту боль, как поступал с прошлой осени. Я уже привык выполнять все на автомате и делать вид, что происходящее меня не волнует.

И сейчас мне снова нужно было забыться.

– Поехали. – Я взял Пайпер за руку и потянул ее за собой к машине.

– Но я вся мокрая. Мне нужно переодеться, – пожаловалась она.

– Да, – с улыбкой отозвался я. – Я тебе помогу.

* * *

Дороги были чертовски скользкие. Этим летом дожди шли нечасто, и из-за масляной пленки на асфальте машину постоянно заносило.

Но здравого смысла притормозить у меня не хватило.

Я на скорости влетел на подъездную дорожку к дому и в гараж, хотя торопиться мне было некуда. Дома меня не ждало ничего, кроме тишины, а я не выносил тишину.

Закрыв гараж, я вошел в дом через кухню, стянул с себя черную футболку и бросил ее в корзину с грязным бельем. От нее пахло Пайпер.

– Эй, приятель, – поприветствовал я Мэдмэна, который слетел ко мне с лестницы. – Иди сюда.

Я открыл заднюю дверь, чтобы он мог сделать свои дела, и, не запирая ее, взбежал наверх, чтобы поставить свой отрубившийся мобильник на подзарядку.

Как только мне удалось его включить, пришло сообщение о пропущенном вызове от отца Тэйт.

Зачем он звонил?

Мы же всего несколько дней назад с ним переписывались. Он хотел убедиться, что со мной и с его домом все в порядке.

Я не знал, что ему сейчас от меня нужно, но в любом случае перезванивать ему сегодня не собирался.

Тут я резко вскинул голову, услышав пронзительный скрежет со стороны окна.

– Чертово дерево. – Я швырнул телефон на кровать и, подойдя к окну, поднял жалюзи. Проклятое дерево, которое росло между нашими с Тэйт окнами, приносило одни неудобства. Нам постоянно приходилось подрезать ветви, потому что в ином случае они пробили бы в доме дыры. Этой весной я сказал матери, что дерево нужно просто спилить, но технически оно росло на участке Брандтов, а они, полагая, хотели его оставить.

Мистер Брандт обычно подстригал его в самый раз, не слишком сильно. Я мог дотянуться до ветвей даже после того, как их подрезали.

Подняв окно и высунувшись из него наружу, я обнаружил ветку, которая скребла по оконной раме над моей головой. Раз мистер Брандт уехал, мне самому придется разобраться с этим завтра.

Дождь лил как из ведра, и в ярком свете уличных фонарей все вокруг блестело. Я скользил взглядом по лабиринту ветвей, отгоняя воспоминания о том, как я царапал о них ноги или сидел на них вместе с Тэйт.

Я любил это проклятое дерево и хотел, чтобы его спилили. И тут... я больше не смотрел на дерево.

Мой взгляд уловил луч солнца посреди темного неба, и,

черт возьми, я оцепенел.

Тэйт?

– Какого черта? – прошептал я, не дыша и не моргая.

Она стояла в своей спальне, прислонившись к раме открытой балконной двери. И тоже смотрела на меня.

Что, черт побери, я вижу?

Она же должна быть в Германии со своим отцом как минимум до Рождества.

Я напрягся всем телом и оперся на подоконник, но глаз от нее оторвать не мог. Я словно оказался в альтернативной вселенной, где Тэйт была лакомством, а я умирал от голода.

Она вернулась.

Я на мгновение зажмурился и сглотнул, сердце колотилось чуть ли не в горле. Я был измучен, взволнован и благодарен одновременно.

Господи, она дома.

На ней были маленькие пижамные шортики и белая майка на тонких бретельках. Примерно в той же одежде она ложилась спать год назад, но по какой-то причине от одного ее вида сейчас в моей груди вспыхнуло пламя. Мне хотелось перебраться к ней в комнату по этому проклятому дереву, сорвать с нее одежду и любить ее так, словно минувших трех лет просто не было.

Ее волосы развевались на ветру, я чувствовал, что ее глаза уставились из темноты прямо на меня.

У меня пересохло во рту. Как же здорово было вновь по-

чувствовать, что кровь и воздух свободно циркулируют в моем теле.

А потом она сделала шаг назад и закрыла двери.

Нет. Я сглотнул. Мне не хотелось, чтобы она уходила.

Давай. Иди к ней, найди повод для ссоры, сказал я себе, но покачал головой.

Нет. Просто оставь ее в покое. Она не думала обо мне, и мне нужно с этим смириться.

Мысленно я лез на стены, ведь я знал, что мне пора повзрослеть и оставить ее в покое. Пусть ходит в школу, не опасаясь вечных сплетен и шуточек. Пусть будет счастлива. Мы уже почти взрослые, и все эти мелкие пакости должны закончиться.

Но...

Я чувствовал себя более живым в последние десять секунд, чем за весь прошлый год.

Видеть это лицо, знать, что по утрам я буду просыпаться под оглушительные звуки музыки из ее комнаты, смотреть, как она выходит из дома на пробежку...

Мой телефон зажуужал – пришло сообщение, и я подошел прочитать его.

Оно было от отца Тэйт.

Планы изменились. Тэйт дома. Одна до Рождества. Отдай ей ключи и будь с ней повежливее. Или пеняй на себя.

Прищурившись, я перечитывал текст снова и снова.

Мне кажется, я даже забыл дышать.

Одна? До Рождества?

Я закрыл глаза и засмеялся.

И внезапно понял, что завтра утром наконец-то проснусь с радостью.

Глава 8

– Мне стоит волноваться? – спросила моя мать, когда я вернулся в дом из гаража с маленьким топором в руке.

– Всегда, – пробубнил я, проходя через кухню мимо нее и направляясь к лестнице на чердак.

Я решил взять дело в свои руки, вместо того чтобы кого-то нанимать, и самому отсечь маленькие ветки, втыкающиеся в дом. Топор как раз подходил для этой цели.

– Только не покалечься! – крикнула мать мне вслед. – Тебя было непросто сделать.

Я закатил глаза, карабкаясь по лестнице наверх.

С тех пор, как мама перестала пить, она стала вполне себе сносной. Иногда пыталась шутить. Порой я даже смеялся, правда, не при ней. Между нами все еще существовал определенный дискомфорт. Трещина, которую мне давно стало неинтересно заделывать.

Но мы снова научились существовать вместе. Она пыталась держать себя в руках, и я делал то же самое.

Я вылез из маленького окошка темного чердака на дерево и осторожно начал пробираться к стволу, где ветви были достаточно толстыми, чтобы выдержать мой вес. Решил, что буду отрубать лишние ветки со стороны ствола, а потом, когда покончу с этим, просто слезу на землю. Спускаясь сверху вниз, я в конце концов должен был добраться до веток,

скребущих по моему окну, – из-за которых, собственно, все это и затеял.

Но, едва замахнувшись топором, я чуть не выронил его из рук.

– Ты считаешь, что его отношение ко мне – это прелюдия? – Услышал я взбешенный голос Тэйт и застыл.

Что? Прелюдия?

– Да, конечно, – продолжала она, а я стал прислушиваться. – Особенно, когда в девятом классе он рассказал всей школе, что у меня якобы синдром усиленной перистальтики кишечника, после чего меня провожали пукающими звуками в коридорах.

Мои глаза округлились, на шее забила жилка. Она говорила обо мне?

– И да, – продолжала Тэйт, обращаясь к кому-то, кого я не видел. – Было очень эротично, когда на следующий год он заказал доставку мази от молочницы прямо на урок математики. Но особенно меня покорило другое. Я была практически готова отдаться ему на месте, когда он приклеил на мой шкафчик брошюру о способах лечения остроконечной кондиломы. Поразительно, что венерическое заболевание подхватил человек, который никогда не занимался сексом!

Ох, черт.

Она определенно говорила обо мне.

Ухватившись за ветку над своей головой, я поднялся на ноги и перебрался на другую сторону дерева, очень осторож-

но, чтобы меня не могли заметить из открытых балконных дверей Тэйт.

Теперь в разговор вступила другая девушка, вероятно, ее подруга Кейси, и я уловил что-то про необходимость дать отпор.

Я скользнул на ветку пониже, начиная ощущать себя каким-то извращенцем из-за того, что подслушивал их разговор. Но вообще-то они говорили обо мне, а значит, это было и мое дело тоже.

– В который раз тебе говорю, мы раньше дружили, – заговорила Тэйт. – Летом перед девятым классом он уехал на несколько недель, а назад вернулся другим человеком и вычеркнул меня из своей жизни.

И тут я сжал кулаки.

Кейси незачем было знать все эти подробности. Тэйт не имела права вот так распространяться о наших делах.

Внутри все забурило, и я почувствовал знакомое тепло, разливающееся по телу.

– Наш последний учебный год пройдет прекрасно. – Тэйт теперь говорила более низким и уверенным голосом, чем прежде. – Надеюсь, Джаред забыл обо мне. Если так, тогда мы оба сможем делать вид, что нас друг для друга не существует вплоть до самого выпускного. А если не забыл, тогда я поступлю так, как сочту нужным. У меня есть задачи поважнее. Пусть он и этот идиот Мэдок делают все, что им вздумается. Мне до них больше дела нет. Они не испортят мой

последний год в школе.

Надеюсь, Джаред забыл обо мне.

А я едва не поставил крест на собственном будущем из-за тоски по ней?

Мне до них больше дела нет.

Тэйт меня ненавидела. Она всегда будет меня ненавидеть, а я был просто дураком, что хотел ее, когда нам было по четырнадцать.

Мы никому не нужны. И ты был мне не нужен. Прозвучал в моей голове голос отца.

Я пробрался по дереву назад к своему окну и запрыгнул внутрь, уже не заботясь о том, что меня могут увидеть. Бросив топор на пол, я подошел к док-станции и включил на ай-пode песню *Coming Down* группы *Five Finger Death Punch*, а затем принялся набирать на телефоне сообщение Мэдоку.

Затусим сегодня вечером? Мама уедет около 16.

Моя мать по пятницам уезжала к своему бойфренду в Чикаго. Я до сих пор его ни разу не видел, но она почти всегда оставалась у него на все выходные.

Еще как!

Ответил он меньше чем через минуту.

Выпивка?

У отца Мэдока в подвале был самый настоящий склад спиртного – или что-то вроде того – с винным погребом в придачу. Он редко бывал дома, поэтому Мэдок брал оттуда

что хотел, а я отвечал за еду.

Заметано. Буду в 19.

Я швырнул телефон на кровать, но тот снова завибрировал.

Я взял его в руки и открыл сообщение от Джекса.

Папа опять звонил.

Сукин сын.

Отец постоянно умудрялся раздобыть номер Джекса, хотя знал, что не должен ему звонить. Все-таки его посадили в том числе за жестокое обращение с моим братом.

Я с этим разберусь.

Набрав сообщение, я взглянул на часы и увидел, что сейчас только десять утра.

Поезжай сегодня, сказал я себе. Если покончить с этим поскорее, не придется ехать завтра.

Поездки к отцу вынимали из меня душу, и я ждал их с ужасом. Я никогда не знал, о чем он решит поговорить со мной в этот или в следующий раз. В прошлый мой визит отец поведал мне во всех подробностях, как отвез мою беременную мать в клинику, чтобы та от меня избавилась. А потом дал волю рукам, когда она этого не сделала. Я не знал, верить ли этому, но старался пропускать мимо ушей все его рассказы, колкости и оскорбления. В большинстве случаев у меня получалось. Но иногда нет.

Хрен с ним.

Сорвав с себя пропитанную потом черную футболку и надев вместо нее чистую, я сгреб ключи с прикроватной тумбочки и быстро сбежал вниз по лестнице.

— Отъеду ненадолго, — сказал я матери, проходя через кухню. — Увидимся в понедельник.

* * *

У меня дрожали руки, хотя я и приходил сюда уже почти год. Мне противно было смотреть в лицо этому подонку, особенно учитывая то, как он изо всех сил старался сделать наши встречи как можно более невыносимыми для меня. Я знал, что отец получал особые привилегии за примерное поведение, но не сомневался, что при этом он наслаждается каждым поганым словом, вылетающим у него изо рта.

— Сегодня пятница. Нам положено видеться по субботам, — проворчал он, садясь за стол в комнате для посетителей.

Заставив себя посмотреть ему в глаза, я произнес ровным тоном:

— Ты снова звонил Джексу. Теперь ты перестанешь это делать.

Он рассмеялся мне в лицо.

— Ты и в прошлый раз так говорил, но это не в твоей власти, Джаред.

Нет. В моей.

— Тебе запрещено звонить. — После того как в прошлый

раз я сообщил об этом надзирателю, отец лишился привилегии пользоваться телефоном без присмотра.

Пожав плечами и подняв руки ладонями вверх, он ответил:

– И тем не менее я нахожу способы.

Всего лишь мгновение, но, когда у меня внутри все рухнуло и я отвел взгляд, он все понял. Понял, что я и впрямь бессилен. Возможно, сами надзиратели позволяли ему звонить в обмен на какие-то услуги, или у него был приятель среди заключенных, но мы оба знали, что я абсолютно ничего не могу сделать, чтобы ему помешать.

Никогда не мог.

– Оставь его в покое. – Мои губы шевелились, но я с трудом разбирал собственные слова.

– Что тебя гложет больше? – Отец подался вперед, сузив свои голубые глаза. – Что я звоню ему, а не тебе, или что ты не можешь мне помешать? Еще раз говорю тебе, Джаред, у тебя нет власти надо мной. Реальной власти. Тебе кажется, что ты все контролируешь, потому что ты на свободе, а я здесь, но ведь именно я тебя преследую. А не наоборот.

Встав, я изо всех сил стиснул кулон в кармане, а потом испугался, что он рассыплется на части.

– Пошел ты, – прорычал я и вышел из комнаты.

Глава 9

– О, Джаред, – выдохнула Пайпер. Схватив ее за волосы и запрокинув ее голову назад, я покрывал поцелуями шею девушки. Пытался забыть, погрузившись в аромат ее духов и в тело.

– Я же просил тебя помалкивать, – прошептал я, касаясь губами ее кожи. – Делай, как тебе говорят.

Внизу грохотала песня *Hats off to the Bull*, и я слышал доносившиеся со всех сторон голоса – изнутри и с улицы.

Пайпер явилась на мою вечеринку без приглашения, и я воспользовался этим. Шум, суэта, возможность отвлечься.

Отвлечься от того, что меня словно магнитом тянуло к соседнему дому.

Отвлечься от мыслей об отце.

В конце концов этот сукин сын был прав. Кошмары, из-за которых я не мог спать? Из-за которых мне приходилось принимать снотворное, чтобы пережить очередную ночь? Все это свидетельствовало о моей слабости.

– Прости, – захихикала Пайпер. – Просто это так приятно.

Одну руку я запустил в ее густые темные локоны, а другую – в трусики. Мои пальцы проникали внутрь нее, и она извивалась, прижатая к стене моей спальни.

Я ощупывал Пайпер, пытаюсь найти ту волшебную часть тела, на которой смог бы сосредоточиться. Спустил верх ее

платья, обхватил руками груди, целовал губы, но ничто из этого не приносило мне желанного покоя.

Надеюсь, Джаред успел обо мне забыть.

Я подхватил Пайпер на руки и понес ее на кровать. Покой наступит, когда я окажусь внутри нее. Тогда я смогу забыть-ся.

– Джаред! – Кто-то внезапно постучал в дверь.

Я повернул голову и крикнул:

– Прочь отсюда!

Пайпер расстегивала мой ремень.

– Эта девчонка? Тэйт? – Голос принадлежал моему приятелю Сэму. – Она внизу, чувак. Лучше тебе спуститься.

Я замер, а потом сел в кровати и пробормотал:

– Какого черта?

Что она делала в моем доме? Я бросил взгляд на часы – было уже за полночь.

– Тэйт? – спросила Пайпер, по-прежнему лежа на подушках. – Ты вроде говорил, что она еще не вернулась.

– Одевайся, Пайпер, – процедил я сквозь зубы, поднимаясь.

– Что?! – взвизгнула она, и я повернулся к ней. Ее губы и нос были наморщены, а грудь с каждым вздохом тяжело вздымалась.

С Пайпер у нас не было никаких отношений, никаких сложностей. Я ценил в ней это.

Но сейчас она разозлилась, а я даже не удосужился ничего

объяснить. Я не имел привычки объяснять. К тому же, она и без того все понимала.

Я никогда не притворялся, что мне нужно нечто большее, чем секс без обязательств. Пайпер либо принимает все как есть, либо уходит.

Распахнув дверь, я увидел, что Сэм ждет меня в коридоре с нерешительным видом, руки засунуты в карманы.

– Прости, приятель, – он выставил перед собой ладони. – Мэдок ее лапает. Я подумал, что нужно тебя позвать.

Хренов говнюк. Я пулей пролетел мимо Сэма по коридору, готовый опустить своего лучшего друга головой в унитаз, чтобы привести его, черт возьми, в чувство. Я был совершенно уверен, что он неровно дышит к Тэйт, но я же говорил ему еще несколько лет назад, что ее трогать нельзя.

Да и какого черта она вообще тут делает?

Спустившись по лестнице, я повернул за угол и тут же застыл, не в силах вдохнуть, словно меня ударили под дых.

Господи боже.

Она была красива до боли.

Она о чем-то задумалась, иначе тоже бы меня увидела.

Я поднял руки и оперся о дверной косяк. Так я пытался изобразить равнодушие. Но, по правде говоря, мне просто нужно было на что-то опереться, чтобы у меня не подкосились ноги.

Сердце бешено колотилось в груди, и больше всего мне хотелось продлить это мгновение, просто смотреть на нее до

тех пор, пока не наступит конец света.

Ее волосы как будто стали светлее, а кожа смуглее, вероятно, от того, что все лето она провела под солнцем. А тело казалось еще более подтянутым. Более зрелым. Когда я посмотрел на форму ее ягодиц, у меня пересохло во рту. Такая же безупречная кожа, пухлые губы и небольшой носик – она выглядела как идеальная кукла. Я никогда не играл в куклы, но с этой, черт возьми, поиграл бы.

В тот момент я хотел взять у Тэйт все. Все. Ее гнев и страсть, ее ненависть и желание, ее тело и душу.

Я хотел владеть всем этим.

Это я тебя преследую. А не наоборот. Отец снова вторгся в мои мысли. Они с Тэйт все время сидели у меня в голове.

И хотя этим двоим я был и не нужен, они оба имели надо мной власть.

Однако одним из них я мог управлять.

– Что она тут делает? – резко спросил я, глядя на Мэдока, но полностью отдавая себе отчет в том, что Тэйт переключила внимание на меня.

Мэдок молчал, но я видел по уголкам его губ, что он пытается сдержать улыбку.

– Она хочет перекинуться с тобой парой слов, – произнесла Тэйт спокойно, но с ноткой раздражения.

Я улыбнулся про себя, чувствуя, как давно забытый адреналин наполняет теплом мои иссохшие вены.

– Давай по-быстрому, у меня гости. – Я опустил руки и,

сложив их на груди, попытался сделать вид, что мне скучно.

Сэм с Мэдоком исчезли в кухне, а Тэйт осталась стоять на месте, вздернув подбородок. Ее губы были сжаты, а взглядом она могла разжечь огонь.

Я не знал, чем Мэдок уже успел так ее разозлить, или, может быть, она злилась на меня, но наконец-то я почувствовал себя в своей стихии. Весь прошлый год я был похож на ходячего мертвеца.

– У меня гости, – повторил я после паузы.

– Да, вижу. – Тэйт посмотрела мне за спину, и я понял, что Пайпер все еще здесь. – Сможешь вернуться к роли гостеприимного хозяина через минуту.

Я прищурился, сосредоточившись на Тэйт.

Так, так, так... Она обо мне невысокого мнения. Надо же.

Пайпер приблизилась и поцеловала меня в щеку. Хотела попрощаться? Или напоминала мне о своем присутствии? Понятия не имею, но она всегда делала подобное в самые неожиданные моменты, отчего мне становилось не по себе. Как будто она хотела большего, а я был обязан дать ей это.

Я стоял на месте, и мне хотелось, чтобы девчонка перестала чего-то ждать и просто отправилась домой. От присутствия Тэйт мне все равно было больше пользы, чем от нее.

После того как Пайпер наконец поняла намек и удалилась, Тэйт заговорила снова:

– Мне вставать через пять часов, а потом ехать в Уэстон. Поэтому прошу вежливо: пожалуйста, сделай музыку тише.

Она что, серьезно?

– Нет.

– Джаред, я пришла сюда по-соседски. Уже за полночь. Прошу по-хорошему. – Эта мольба была даже милой.

– Да, за полночь, но сегодня *пятница*, – пояснил я, стараясь говорить как можно снисходительнее.

– Ты ведешь себя неразумно. Если бы я захотела, то вызвала бы полицию и пожаловалась на шум или позвонила твоей маме. Но я пришла к тебе из уважения. – Она оглядела комнату. – Кстати, где твоя мама? Ни разу не видела ее после того, как вернулась.

Ох, Тэйт. Не надо. Не веди себя так, словно знаешь меня или мою семью.

– Она тут редко появляется, – ответил я равнодушным, лишенным эмоций голосом. – И не потащится сюда посреди ночи, чтобы разогнать мою вечеринку.

Тэйт раздраженно вздохнула.

– Я не прошу тебя всех «разогнать», а только сделать музыку тише.

– Ты можешь по выходным ночевать у Кейси, – предложил я, обходя бильярдный стол.

– Уже поздно! – выпалила она. – Я не собираюсь беспокоить ее в такое время!

– Ты беспокоишь в такое позднее время меня.

Контроль снова был в моих руках. Моя челюсть дернулась от рвущейся наружу улыбки.

Я ощущал спокойствие. Знал, кто я. Меня снова наполняли сила, уверенность и вера.

– Какой же ты гад, – прошептала Тэйт.

Остановившись, я посмотрел на нее, притворяясь рассерженным.

– Осторожней, Татум. Тебя давно тут не было, поэтому я сейчас отступлю, но помни: моего хорошего расположения надолго не хватит.

– Ох, пожалуйста, – язвительно произнесла она. – Не веди себя так, словно мое присутствие – непосильная ноша для тебя. Я достаточно от тебя натерпелась. Чем еще ты можешь мне навредить?

Я пришел в такой восторг от этого вызова, что едва не рассмеялся.

– Мне нравятся вечеринки, Татум. Я люблю развлекаться. Если ты разгонишь моих гостей, тебе самой придется меня развлекать. – Я был удивлен тем, как низко и возбужденно прозвучал мой голос. Перед глазами сразу появились картинки того, как именно она могла бы меня развлечь.

Но Тэйт никогда бы на такое не согласилась. Она была хорошей девочкой. Причесывалась и чистила зубы нитью. Гладила одежду.

И не занималась плохими вещами в постели с плохими парнями.

Она заправила прядь своих длинных волнистых волос за ухо и, посмотрев на меня с нескрываемым отвращением, те-

атрально махнула в воздухе рукой, изображая поклон:

— Умоляю, скажите скорее, какую же мерзость вы заставили бы меня сделать?

Моя кровь вскипела оттого, насколько иначе она теперь держалась.

Она и раньше мне дерзила. И перед отъездом во Францию рисковала не раз.

Но при этом она каждый раз нервничала и готова была расплакаться. Теперь же она казалась абсолютно расслабленной и вела себя так, словно для нее все это пустая трата времени.

Хорошо.

Будет весело, когда я подниму ставки в этой игре. Заодно отвлекусь.

Подойдя к ней вплотную, я ощутил жар и знакомую приятную боль в штанах.

Черт. Гребаный стояк прямо сейчас?

Член пульсировал, но я пытался не обращать на него внимания.

Да, меня влекло к ней. Ну и что? Меня влекло практически ко всему, что носит юбки. Или пижамные шорты с черными толстовками и кедами.

Мои эмоции зашкаливали рядом с Тэйт, но я знал, что трахнуть ее не могу. Скорее в аду настанет зима, чем я дам ей такую власть над собой.

Но ведь это не значило, что я не могу наслаждаться видом.

– Сними это. – Я взялся за край ее коротенькой черной толстовки, – и станцуй стриптиз у меня на коленях.

Ее глаза округлились.

– Что?

Я уловил более нервные и уже не такие уверенные нотки в ее голосе – музыка для моих ушей.

Мой взгляд стал решительнее – я бросал ей вызов.

– Поставлю *Remedy* – тебе же она все еще нравится? Ты станцуешь для меня, и вечеринка закончена.

Я что, правда, остановлю вечеринку? Нет. Я не уступлю ей ни при каких условиях.

И с удовольствием дам ей это понять. Однако я очень надеялся, что Тэйт не примет мое предложение. Не поймите меня неправильно. Я был не против получить возможность прикоснуться к ее телу, но я бы не смог просто использовать ее и забыть. С Тэйт я ходил по краю; знал, что с ней захочу повторения.

Какое-то время она просто смотрела на меня, и выражение ее прелестного упрямого личика менялось. Сначала на нем отразилась задумчивость – как будто она решила всерьез обдумать мое предложение. Потом ярость – когда она поняла, что в итоге только будет унижена. Поражение – когда она смирилась с фактом, что в данной ситуации победа ей не светит. И печаль, которая вдруг промелькнула в ее блестящих глазах. Не знаю, с чем это было связано. А потом я вдруг заметил нечто иное.

Ее нахмуренные брови разгладились, и она опустила подбородок.

Черт.

Я знал это выражение. Оно постоянно появлялось и на моем собственном лице.

Вызов.

Тэйт резко развернулась в сторону гостиной, так что ее волосы взметнулись над плечами. Мое сердце на мгновение замерло, когда она закричала во все горло:

– Копы! Копы! Убирайтесь отсюда! Копы у черного входа! Бегите!

Твою мать!

Я беспомощно смотрел, как сборище пьяных и обкуренных идиотов врассыпную бросилось из моего дома.

Какого черта? Они ей поверили!

Тело охватил жар, и я скрестил руки, чтобы сердце ненароком не выпрыгнуло из груди.

Народ спешил смыться. Толпа повыскакивала из кухни и гостиной и ломанулась через переднюю дверь так, словно начался гребаный пожар. Большинство этих придурков были несовершеннолетними, поэтому держали ухо востро, и что же? Могли бы хоть осмотреться для начала.

Но нет, они просто бросились наутек.

В считанные секунды мой дом практически опустел. Не сбежали только те, кто уже находился в отключке, или, возможно, заперся в спальнях на втором этаже.

Кровь пульсировала в моих венах, густая, словно расплавленный сахар. Боль была почти нестерпима, но настолько приятна, что мне хотелось ее продлить. Тэйт изменилась и теперь бросала мне вызов.

Черт, да.

Приблизившись к своей мишени, я улыбнулся и, снисходительно вздохнув, пообещал:

– Я доведу тебя до слез в два счета.

Тэйт посмотрела на меня почти изумленно.

– Ты бесчисленное количество раз доводил меня до слез. Знаешь, что это такое? – спросила она, показав мне средний палец, а потом поднеся его к своему лицу и похлопав им по уголкам глаз. – Это я вытираю последнюю слезу, пролитую из-за тебя.

И с этими словами она развернулась и ушла.

Я так и стоял с открытым ртом, не в силах отвести взгляда от уже опустевшего дверного проема.

Черт возьми.

В горле появилось забытое щекочущее ощущение, и я расхохотался, с трудом переводя дух.

Твою мать, я смеялся.

Я поверить не мог, что Тэйт сказала мне такое. Это был явный вызов.

О, детка. Он принят.

– Н-да, она изменилась, – слышался голос Мэдока у меня за спиной, и я моргнул.

Тут же стерев улыбку с лица и повернувшись к нему, я угрожающе произнес:

— Ты к ней прикасался?

— Прости, приятель. — Он смотрел на меня с таким видом, как будто я никогда не запрещал ему притрагиваться к ней. — Я забыл. Больше не повторится. — Мэдок пожал плечами и снова ушел в кухню.

Да, лучше тебе это не повторять.

Не знаю, действительно ли Мэдок пытался приударить за Тэйт. Сэм сказал, что он ее лапал, но Мэдок был мне хорошим другом и никогда не переходил границы.

Я не понимал, что у него на уме.

Снова бросив взгляд на входную дверь, я вспомнил, как Тэйт вышла из нее с высоко поднятой головой, со спокойствием и уверенностью, которых я прежде в ней не замечал.

Игра началась.

Мои плечи расслабились, я поднялся в свою комнату и лег спать. На сей раз без снотворного и без каких-либо мыслей о своем отце.

Глава 10

– О-ох, похоже, у меня сломан член, – простонал Мэдок, поправляя ширинку прямо посередине школьного коридора.

Я покачал головой, а потом кивнул парочке проходивших мимо приятелей.

– Тогда храни верность девчонкам, идиот, – пошутил я. – Они помягче, чем мальчишки, к которым тебя так влечет.

В первый день последнего учебного года я шел по школе, и меня будто обвевал легкий ветерок, который не замечали остальные. Мэдок хвастался своими победами, я выбрал предметы, которые хотел, а с визитами в тюрьму было практически покончено.

С тех пор, как вернулась Тэйт, прошла неделя. И целую неделю после ее выходки на вечеринке у меня дома я спокойно спал и чувствовал себя почти что счастливым.

– Итак, – снова заговорил Мэдок. – У Тэйт уже есть свой маленький фанклуб. Думаю, ты и сам все слышал.

Слышал. И хотя меня бесило, что другие парни все время трепались о ней, ничего плохого пока сказано не было. Никто не обсуждал ее грудь или задницу, поэтому мне еще никого не пришлось размазать по асфальту.

Нет, они просто говорили о том, какая она красотка. О том, как теперь держится. Эту уверенность она явно обрела за границей.

И мне даже нравилось, что Тэйт получала столько внимания. В конечном счете, чем выше она взлетит, тем больше упадет.

– Татум даже не состоит в собственном фанклубе, – пробормотал я.

Мы взяли еду и сели за свой любимый столик в столовой. Мэдок лопал, как спортсмен из фильма «Клуб «Завтрак»⁷. То, что он купил – сэндвичи, пицца, чипсы, пара бутылок «Гаторейда» и шоколадные пирожные, – заняло почти два подноса. Я же не любил наедаться днем. Сэндвич или буррито и пара напитков – таким был мой обычный набор.

В результате Мэдок засыпал на послеобеденных занятиях, а у меня и на работу сил хватало с избытком.

– Ну и что же мы будем делать? – обратился он ко мне, когда Сэм и его приятель Гуннар подсели к нам за столик и тоже принялись за еду.

Завернув крышку на бутылке с водой и отерев рот тыльной стороной ладони, я уставился на него, не совсем понимая, о чем он. Похоже, я пропустил начало этого разговора.

– Ну и что же мы будем делать с чем?

– С Тэйт, – уточнил друг таким тоном, словно я должен был сразу это понять. – Мы оставим ее в покое в этом году или нет?

Я откинулся на спинку стула.

– Я сам решу, как быть. Если мне понадобится помощь,

⁷ *The Breakfast Club* – молодежная комедия (США, 1985).

дам знать.

– Ш-ш-ш, – шикнул Мэдок. – Вон она. – Он кивнул головой в сторону двери, и я посмотрел туда.

Тэйт встала в очередь и взяла поднос, а я принялся ее изучать. Исключительно для боевого плана, разумеется.

Она двигалась медленно, словно автомат. Ее спина казалась застывшей.

Она была напряжена.

Я надеялся, что это из-за меня. Надеялся, Тэйт ощущает мое присутствие, знает, что я за ней наблюдаю.

Мне нравилось следить за ее движениями, но я разозлился, когда понял, что все парни в столовой, похоже, наслаждаются тем же зрелищем.

Зрелище было и впрямь достойное, и я не мог заставить себя отвести взгляд.

Прежде ее волосы были прямыми, но судя по тому, что я успел заметить за минувшую неделю, теперь она предпочитала волнистые локоны. Из-за падавшего сверху света пряди сияли до самых кончиков. Длинная тонкая футболка доходила до середины бедер с одной стороны, но с другой зацепилась за пояс, открывая обтянутую джинсами попу.

– Ну, – бросил Мэдок, – на этот раз придумай что-нибудь получше. Срывать свидания – это по-детски.

Что?

И тут я понял, что он продолжает разговор, начала которого я не помнил.

– Устрой так, чтобы вы с ней в паре работали над каким-нибудь проектом или что-то типа того, – продолжал он. – Столько всего можно сделать, когда есть предлог проводить время вместе.

Проводить время вместе?

Ах, да. Мы говорили о «плане нападения на Тэйт».

– Это не прелюдия, Мэдок. – Я решил внести ясность, прямо как Тэйт в недавнем разговоре с Кейси. – Я не мечтаю ее соблазнить.

Глядя на то, как она прошла к дальнему столику и села... спиной ко мне, я едва заметно улыбнулся.

Она не рискнула встречаться со мной взглядом, и это была победа.

Мэдок расхохотался, едва не подавившись своей едой.

– Ты прав, – прокашлявшись, выдавил он, в его глазах стояли слезы. – Глядя, как ты на нее смотришь, сразу понимаешь, что ты *не* мечтаешь ее соблазнить. – Он покачал головой. – Нет, сейчас ты смотришь на нее так, словно хочешь связать ее и как следует выпороть.

Говнюк.

Меня не привлекали такие вещи... или мне казалось, что не привлекали. Никогда такое не пробовал. Можно и попробовать. Все нужно попробовать хотя бы раз.

Кроме травки или подобного дерьма.

– Нет? – не дождавшись ответа, с вызовом произнес Мэдок, изучая мое лицо. – Ну, что ж, тогда это не заставит тебя

ревновать.

И он с шумом отодвинул свой стул, обошел вокруг стола и направился в другую часть столовой. К Тэйт.

Сукин сын.

Я отрежу его сломанный член и скормлю Мэдмэну.

Короткие рукава моей черной футболки натянулись на бицепсах, и я понял, что напрягся всем телом.

Закипая от ярости, я наблюдал за тем, как Мэдок подходит к Тэйт, наклоняется над ее ухом и что-то говорит. Слов я, разумеется, разобрать не смог, но увидел, как Тэйт выпрямляется, и тотчас понял, что ей не по себе.

Хорошо.

Но мне хорошо не было. Похоже, я получал кайф, провоцируя Тэйт, но не любил, когда другие брали на себя смелость следовать моему примеру. Когда Мэдок отпустил комментарий по поводу ее груди на вечеринке в прошлом году – как раз перед тем, как она сломала ему нос, – я чуть не оторвал ему яйца.

Помогать мне прикалываться над ней – это одно, но отпускать замечания насчет ее тела, да еще и на людях – совершенно другое. Я разозлился не на шутку. Даже себе я такого не позволял. Если бы она не ударила его тогда, это сделал бы я.

Мэдок коснулся ее спины, и моя рука сжалась в кулак.

Проклятье! Разве мы с ним это не обсуждали?

Воздух с шумом входил и выходил через мои ноздри, я

смотрел, не моргая, как его рука интимно скользнула по ее спине и опустилась до самой задницы.

Я вскочил со стула, но тут же замер, потому что Тэйт резко поднялась с места и, схватив Мэдока за плечи, ударила его коленом в пах.

Охренеть!

Я отрывисто дышал, пытаюсь не рассмеяться. Мой лучший друг рухнул на колени и застонал как раненое животное.

Тэйт обошла вокруг него, а я снова сел, продолжая следить за ней.

– Не трогай меня и не заговаривай со мной, – прошипела она. – Ты действительно думал, что я соглашусь пойти с тобой на свидание?

Он пригласил ее на свидание?

– Знаешь, о чем шепчутся девчонки? – продолжала она. – Поговорка «мал да удал» верна далеко не всегда. – Тэйт произнесла это уверенным голосом, как будто ощущала себя в своей тарелке. Все поняли ее шутку, когда она согнула свой мизинец на глазах у удивленной толпы с намеком на то, что у Мэдока маленький член.

– В любом случае спасибо за предложение, Мэдок, – пропела она сладким голосом.

Взяв со стола свой поднос, она прошла через толпу, выбросила остатки ланча и направилась к выходу. Все, кто находился в столовой, провожали ее взглядом. Включая меня.

Я снова откинулся на спинку стула, вспоминая, как она

плакала или просто убегала всякий раз, когда мы с Мэдоком что-то вытворяли. Теперь же она снова стала той десятилетней Тэйт, которая перевернула мой мир.

Она остановилась у дверей, повернулась и посмотрела прямо на меня. Я прищурился. Ее взгляд сфокусировался на мне, сводя на нет разделяющее нас расстояние, так, что я уловил запах ее кожи.

Она была для меня всем. Тэйт знает, как я играю, сама ничем не уступает мне, и одолеть ее будет приятно. Тогда, и только тогда, я смогу доказать, что мне не нужна ни она, ни кто-либо еще.

* * *

Мистер Суини, один из наших деканов, вошел в столовую и принялся расспрашивать, что здесь произошло. Я вышел вперед и объяснил, что Мэдок упал на стул. Глупая ложь, знаю, но учителя ничего не могут с этим поделать. Если один из ребят выступает с каким-то объяснением, а остальные подтверждают его слова, учителя вынуждены это принять. Я не хотел, чтобы у Тэйт возникли неприятности.

Точнее, я хотел, чтобы причиной этих неприятностей был я сам, а не кто-то еще.

Перед началом первого послеобеденного занятия я выследил Мэдока у его шкафчика и, схватив за руку, потащил за угол, в пустой класс.

– Эй! – взвыл он, вероятно, удивленный моим внезапным появлением. – Полегче!

Как только мы убрались подальше от любопытных взглядов, я резко повернулся к нему и всадил кулак ему в живот. Кожа на костяшках пальцев болезненно натянулась, но Мэдок согнулся от удара пополам, и я знал, что ему должно быть в разы больнее.

Кашляя и не разгибаясь, он привалился к стене, а я встал над ним. Странно, но я не нервничал и даже не злился. Я был немного раздражен, но при этом полностью отдавал себе отчет в своих действиях.

Мэдок знал, за что я его ударил, и теперь ему было понятно, что я не блефовал, предупреждая, что трогать Тэйт не позволю.

– На этот раз ты меня услышал, верно? – спросил я.

И он кивнул, насупившись и держась за живот, – приятель выглядел так, будто его сейчас вывернет наизнанку.

Направляясь на следующее занятие, я достал из кармана телефон и отправил сообщение владельцу автомастерской о том, что сегодня на работе не появлюсь. Он относился ко мне по-дружески и шел на уступки в тех редких случаях, когда мне неожиданно требовался отгул.

Работа давала мне возможность отвлечься. Но теперь появилась Тэйт, и благодаря ей мои мысли и без того были заняты.

Остаток учебного дня я провел в эйфорическом предвку-

шении того, что будет дальше.

Глава 11

Эго Мэдока серьезно пострадало – за один день ему вре-
зали дважды. И чтобы он мог восстановиться, после школы
мы поехали на поздний обед, или на ранний ужин, в *Sonic*.
Лично я считаю, что девицы на роликах порадовали его даже
больше, чем еда.

Примерно в половине пятого он укатил домой, а я поехал
обратно в школу. У Тэйт как раз была тренировка по крос-
су. Сегодня утром я потрепался с капитаном команды Джесс
Каллен и узнал у нее, что Тэйт собирается вернуть себе ме-
сто в составе.

Я подошел к двери женской раздевалки, остановился и
стал ждать. Засунув руки в карманы и прислонившись за-
тылком к стене, я наслаждался затишьем перед бурей.

Господи, как же мне этого не хватало.

В голове мелькнула мысль об отце, но теперь я думал о
нем почти что с равнодушием. По правде говоря, я не пони-
мал, какого черта вообще уделял ему столько внимания?

Когда из раздевалки вышла какая-то девчонка с мокры-
ми волосами и спортивной сумкой в руках, я решил, что по-
ра действовать. Девицы, скорее всего, еще приводили себя в
порядок, но, по крайней мере, должны были выйти из душа.

Конечно, я все уже видел, а в случае с некоторыми даже
крупным планом, но между шалостью и перспективой на-

рваться на арест грань была тонкой.

Войдя в дверь, я повернул налево. Шкафчики стояли в несколько рядов, прямо как в мужской раздевалке, так что я осторожно пошел по проходу, заглядывая в каждый ряд в поисках солнечной блондинки.

Из дальнего конца раздевалки слышался шум фенов и голоса, значит, почти все уже наверняка оделись.

Однако по пути я все же стал причиной нескольких шокированных возгласов и неловких попыток прикрыться.

Одна девушка поспешно прижала к бюстгальтеру футболку, но снова опустила ее, осознав, кто перед ней. Уголки ее губ изогнулись в улыбке, и она окинула меня взглядом с ног до головы. Я посмотрел на нее повнимательнее, потому что у нее было такое лицо, словно она меня знала. То есть *близко* знала. Но я ее не помнил. Весь прошлый год я вел беспорядочную жизнь и редко с кем продолжал видеться после первого раза. С этой я вполне мог переспать. Она была сексуальной. Вероятно, я провел с ней время, вот только понятия не имел, когда это произошло – месяц назад или год.

Подойдя к следующему ряду, я застыл на месте, и в животе у меня все перевернулось.

Тэйт стояла у своего шкафчика, а из одежды на ней было только обернутое вокруг тела полотенце.

В это мгновение я подумал, что более подходящего момента выбрать просто не мог. А потом понял, что момент как раз-таки был неподходящий. Мой член, словно стрелка

долбаного компаса, указывал прямо на нее.

Нахмурившись, я заговорил сердитым тоном, готовый, черт возьми, поставить ее на место.

– Все вон. Татум осталась.

Вокруг послышался писк и оханье, а Тэйт подняла голову и посмотрела на меня широко распахнутыми глазами. Она схватилась за свое полотенце так, словно я мог сорвать его силой мысли.

Если бы...

Девчонки толпой ринулись к выходу из раздевалки, и я был благодарен им за то, что они освободили помещение без лишней драмы. Возможно, они выскочили в коридор или просто отошли на несколько рядов, чтобы оставить нас наедине, главное – что мы теперь были одни и у Тэйт не осталось средств к спасению.

И никого вокруг.

– Ты совсем совесть потерял? – возмутилась она, и на ее прекрасном лице отразился гнев.

Я медленно приближался к ней.

– Татум? – Мои конечности буквально горели. – Я хотел убедиться, что ты меня внимательно слушаешь. Ты слушаешь?

Она облизнула губы. Даже ее ротик, плотно сжатый от досады, выглядел воинственно.

– Говори, зачем пришел. Я раздета и вот-вот закричу. Это уже слишком, даже для тебя!

Нет, не слишком.

Моему удовольствию от столкновений с ней не было предела.

Тэйт перестала пятиться, и на мгновение я задумался почему. Но вместо того, чтобы остановиться, подошел еще ближе.

Мы постояли так немного, никто из нас не желал отступить, и меня буквально обдавало жаром всякий раз, когда ее грудь вздымалась и опускалась.

А потом я увидел это.

Ее веки слегка затрепетали, она затаила дыхание и отвела взгляд. Не от страха, а от смущения. Она чего-то стыдилась.

О боже.

Этот проблеск желания на ее лице. Так вот в чем дело.

И, черт, об этом моменте я тоже мечтал.

Я блуждал взглядом по ее телу, любуясь карамельным оттенком ее загорелой кожи и гадая, как бы она выглядела покрытая потом. То место, где шея переходит в плечо, капельки воды в углублении над ключицей, полная грудь, которая едва не выпрыгивала из полотенца... все это возбуждало меня.

Твою мать. Соберись, черт возьми.

Я снова поднял глаза и встретился с ней взглядом, заставив себя видеть в ней врага, которым она и являлась.

Мне до них больше дела нет.

– На прошлой неделе ты испортила мне вечеринку. – Я

склонился над ее лицом, но она не шевельнулась. – Потом напала на моего друга. Дважды. Ты пытаешься мне что-то продемонстрировать, Татум?

В мыслях я называл ее «Тэйт». Всегда. Но вслух не мог обращаться к ней так. Это было уменьшительное имя для членов семьи и друзей, а я не относился ни к первым, ни ко вторым.

Ее глаза, в которых идеально сочетались пламя и лед, сузились.

– Самое время, а тебе так не кажется?

– Напротив. – Я оперся плечом о шкафчик рядом с ней. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но у меня появились более увлекательные занятия, чем прикалываться над тобой. Год в этих стенах прошел довольно мирно без твоей самодовольной «я-лучше-всех-вас-вместе-взятых» гребаной физиономии.

И это была правда. Год и впрямь прошел мирно. Примерно так же мирно, как на кладбище.

– Да ну? Неужели великому и ужасному Джареду что-то угрожало?

Какого хрена?

Вот это меня разозлило.

Я оттолкнулся от шкафчика и, встав перед ней, уперся руками в дверцы по обеим сторонам от нее.

– Не прикасайся ко мне, – пробормотала она, и я подавил ухмылку. Тэйт снова отвела взгляд.

Я двигал головой, как змея, пытаюсь заглянуть ей в глаза. Мокрые пряди волос прилипли к ее лицу. Я медленно вдыхал ее запах, словно умирал от голода.

– Если я когда-нибудь прикоснусь к тебе хоть пальцем, – сказал я хрипло, – ты сама этого за хочешь.

Этот ее проклятый запах. Что-то похожее на цветы и киви.

– Ну как? – поддразнил ее я. – Хочешь?

Тэйт какое-то время молчала. У нее на лице сначала мелькнули удивление и замешательство, а потом отразилась ярость.

– Мне стало скучно, – произнесла она неуверенным тоном, но ее взгляд был полон решимости. – Ты скажешь, чего хотел, или как?

– А знаешь? Этот твой новый настрой, с которым ты вернулась? Я удивлен. С тобой всегда было так скучно. Ты сразу убегала или начинала плакать. А теперь в тебе появился намек на боевой дух. Я был готов оставить тебя в покое в этом году. Но теперь... – Я не закончил фразу.

Она усмехнулась.

– И что же ты сделаешь? Поставишь мне подножку в классе? Обольешь блузку апельсиновым соком? Запустишь новую сплетню и снова распугаешь всех парней вокруг? Или, может, проявишь изобретательность и будешь оскорблять меня в Интернете? Неужели ты думаешь, что все это до сих пор меня волнует? Тебе больше не удастся меня запугать.

Детка, да ты уже на крючке.

По крайней мере, мне так казалось. Тэйт бросалась громкими фразами. Правда, она начала нарываться еще до своего отъезда во Францию, но я думал, это потому, что она уезжает из страны. Она чувствовала, что ей ничто не угрожает. Черт, да так оно и было. Что я мог сделать, будучи здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.